

ДУХОВОРЦЫ, ИХЪ УЧЕНИЕ, ОРГАНИЗАЦІЯ и НАСТОЯЩЕЕ ПОЛОЖЕНІЕ.

Секта, известная подъ именемъ духоборцевъ, впервые проявилась въ Россіи въ половинѣ прошлаго столѣтія въ Екатеринославской и Тамбовской губерніяхъ. Первоначально сектанты носили различныя имена названія, какъ-то: щельниковъ, вслѣдствіе того, что укрывались въ оврагахъ и тѣснинахъ (щеляхъ); молоканъ, вслѣдствіе употребленія молока въ постные дни, и иконоборцевъ, вслѣдствіе отрицанія поклоненія иконамъ. Настоящее свое название духоборцевъ сектанты получили только въ 1785 году.

Въ приложениі къ «Автобіографической запискѣ государственного секретаря В. Р. Марченки» (см. «Русскую Старину» май, настоящаго года, стр. 315—317) были помѣщены краткія свѣдѣнія о духоборцахъ и ихъ симѣйный отвѣтъ императору Александру I, при свиданіи съ ними въ 1818 году.

Желая ближе ознакомить читателей съ особенностями этой секты, редакція помѣщаетъ двѣ записи о духоборцахъ: одну, написанную еще въ 1805 году, а другую,—заключающую въ себѣ историческій очеркъ и настоящее положеніе секты.

Ред.

I.

Нѣкоторыя черты обь обществѣ духоборцевъ¹⁾.

о второй половинѣ прошлаго столѣтія открылось въ Россіи такое общество, существованіе коего во всемъ государствѣ по всемъ обстоятельствамъ казалось бы невозможнымъ среди простаго народа, народа по большей части непросвѣщенаго и привязаннаго къ однимъ наружностямъ въ религії, безъ познанія духа оной. Вдругъ являются люди, не только отвергающіе всѣ обряды и наружныя установленія греко-

¹⁾ Записка написана въ 1805 году, авторъ ея неизвѣстенъ.

rossiйской церкви, но даже не пріемлющіе и наружнаго крещенія водой и причащенія тѣла и крови Христовой — подъ видомъ хлѣба и вина.

По натуральному слѣдствію, таковыe люди не могли быть оставлены въ покой, какъ со стороны сосѣдей, такъ и со стороны самого правительства, тѣмъ паче, что никто не зналъ и не понималъ ихъ духа. Они отсюду терпѣли почти беспрестанный гоненія: каждая встрѣча съ попомъ, съ исправникомъ или засѣдателемъ вовлекала ихъ въ слѣдствія и въ заключеніе; каждая встрѣча съ сосѣдями сопровождалась ужасными для нихъ ругательствами и обидами, каждый ихъ поступокъ дѣлалъ ихъ въ глазахъ другихъ извергами и возмутителями общаго спокойствія. Высшее правительство судило объ нихъ большую частію по доносеніямъ низшаго начальства, и они не рѣдко посыпались въ ссылку, какъ государственные преступники.

Такимъ образомъ гоненія духоборцевъ не прежде должны были кончаться, какъ въ кроткое и мирное царствованіе Александра I¹⁾.

Въ 1801 году находившіеся въ Слободско-Украинской губерніи, для обревизованія оной, сенаторы: Лопухинъ и Недединскій-Мелецкій — первые открыли предъ государемъ людей сихъ въ настоящемъ видѣ, и по представленію сихъ ревизоровъ его величество, желая отыскать духоборцевъ, какъ въ Слободско-Украинской, такъ и въ Новороссійской губерніяхъ, высочайше дозволилъ имъ сдѣлать переселеніе на Молочныя воды.

Въ прошломъ 1804 году просили о подобномъ туда переселеніи и находившіеся въ Тамбовской и Воронежской губерніяхъ духоборцы. Но прежде нежели объяснено будетъ, кто они таковы, должно разсмотрѣть ихъ происхожденіе, образъ жизни, также и ихъ ученіе.

1) Происхожденіе духоборцевъ.

Названіе духоборцевъ дано имъ уже въ 1785 году, и вѣроятно бывшимъ тогда екатеринославскимъ архіепископомъ. Симъ названіемъ, конечно, хотѣли тогда означить ересь, содержащую ученіе духоборцевъ, такъ какъ непоклоненіе иконамъ, названо иконоборческою ересью; но

¹⁾ Гоненія духоборцевъ начались съ 1792 года, когда екатеринославский губернаторъ писалъ въ Петербургъ, что „всѣ зараженные иконоборствомъ не заслуживаютъ человѣколюбія“, ибо ересь ихъ особенно опасна и соблазнительна для послѣдователей тѣмъ, что „образъ жизни духоборцевъ основанъ на честнѣйшихъ правилахъ и важнѣйшее ихъ попеченіе отосится ко всеобщему благу и спасеніе они чаютъ отъ благихъ дѣлъ“. Духоборцы были приговорены къ сожженію, но помилованы и сосланы въ Сибирь. Р е д.

духоборцы сами, производя название сие отъ «духа», къ объясненію скаго говоритьъ, что они духомъ Богу служать и духомъ бодрствуютъ. Итакъ, по ихъ истолкованію надлежало бы называть ихъ духоборцами. Прежде того правительство называло ихъ иконоборцами, а ихъ учение иконо-борческой ересью, такъ какъ они отвергаютъ между прочими и поклоненіе иконамъ. Чернь называла ихъ всякими ругательными именами, но болѣе всего молоканами и фармазонами: молоканами потому, что они не наблюдали постовъ и ѿля во время оныхъ молоко и мясо; а слово фармазонъ есть испорченное, и есть то же, что масонъ (франкъ-масонъ). Что касается до ихъ самихъ, то они всегда называли и называютъ себя просто христіанами, а прочихъ мірскими людьми.

Начало ихъ происхожденія имть самимъ неизвѣстно, ибо они, какъ простолюдины и безграмотные, не имѣютъ у себя никакой исторіи; преданіе также не сохранило между ними о томъ памяти. Они говорять только, что происходитъ отъ трехъ отроковъ: Ананія, Азарія и Мисаила, пострадавшихъ за непоклоненіе образу Навуходоносора. Безъ сомнѣнія чрезъ то хотятъ сказать, что они такъ же страждуть и готовы страдать за непоклоненіе иконамъ и за отверженіе церемоній и обрядовъ наружной церкви.

Общество духоборцевъ до нынѣ было общество разсѣянное. Они никогда не составляли изъ себя цѣлыхъ селеній, но въ разныхъ селеніяхъ жили только по нѣскольку семействъ. Сверхъ того они разсѣяны и по всѣмъ странамъ Россіи; кроме нѣкоторыхъ полуденныхъ ея губерній, братья ихъ есть въ Архангельскѣ, въ Азовѣ, въ Георгіевскѣ, въ Ставрополѣ, въ Колѣ, даже въ Иркутскѣ и въ самой Камчаткѣ. Они увѣряютъ также, что многіе изъ ихъ братьевъ находятся въ Германіи и Турціи; но въ Германіи они больше гонимы, нежели между магометанами.

Сношенія между находящимися въ Россіи бываютъ по случаюмъ, когда, напримѣръ, кому-нибудь изъ ихъ собратій случится быть въ тѣхъ мѣстахъ, за своими нуждами, или по торговымъ оборотамъ; въ случаѣ же нужды посыпаютъ иногда и нарочныхъ.

2) Образъ ихъ жизни и правленія.

Если не касаться до правилъ исповѣданія вѣры, то духоборцы могутъ служить образцомъ въ домашней и общественной жизни для крестьянъ. Въ 1792 году екатеринославскій губернаторъ Коховскій въ доносеніи своемъ къ бывшему тогда генерал-прокурору между прочими представлялъ, что послѣдователи духоборческой ереси ведутъ жизнь пріимѣрно хорошую и, уклоняясь отъ пьянства и праздности, пекутся неусыпно о своемъ домостроительствѣ, и суть благонравны. Государствен-

ные подати и другія общественныя повинности они всегда несли исправно, даже часто въ излишествѣ противу прочихъ крестьянъ, по причинѣ всегда чинимыхъ имъ отъ сельского начальства притѣсненій всякаго рода. Лѣнность и пьянство не терпимы у нихъ до того, что зараженныхъ сими пороками исключаютъ они изъ своего общества.

Но какъ скоро касаются до такихъ обязанностей ихъ и дѣйствій, въ кои хотя нѣсколько входитъ вѣроисповѣданіе, то тутъ открывается совершенное исходство и даже противоположность ихъ въ сравненіи съ прочими крестьянами.

Духоборцы вовсе не ходятъ въ наружную церковь, не поклоняются иконамъ, во время молитвы не дѣлаютъ на себѣ рукою крестного званія, не наблюдаютъ обыкновенныхъ постовъ и не участвуютъ въ веселостяхъ и развратныхъ дѣлахъ мірскихъ людей. Вотъ сколько причинъ, совершенно отдѣляющихъ ихъ отъ всякаго обыкновенного общества крестьянъ, и также служившихъ всегдашиимъ поводомъ и къ беспестанному имъ гоненію.

Духоборцы думаютъ, что всякая наружность въ дѣлѣ спасенія вовсе бесполезна, и что наружная церковь, по причинѣ паденія истиннаго христіанства, сдѣлалась вертепомъ разбойниковъ; и потому признаютъ церковь единую, святую, соборную и апостольскую, которую Господь явленіемъ своимъ собралъ, осиялъ и осияваетъ и украшаетъ дарованіями Духа Святаго, и которая потому есть собраніе вѣрныхъ и истинныхъ христіанъ.

Въ семъ увѣреніи они дѣлаютъ между собою частныя собранія изъ своихъ собратій; однакожъ не вмѣютъ для того особо назначенаго какого-либо мѣста, такъ какъ въ мѣстѣ не находять они никакой святости, но собираются другъ къ другу безъ всякаго различія. Они не назначаютъ также для сего и особыхъ какихъ-либо дней, почитая ихъ всѣ равными и не имѣя никакихъ праздниковъ: всякий день свободный бываетъ днемъ ихъ собранія. Впрочемъ собранія сиѣ большою частю бываютъ въ обыкновенные церковные и царскіе праздники, когда прочие мірские люди не работаютъ; потому что есть-либы стали они работать во время сихъ праздниковъ, то тѣмъ навлекли бы на себя ругательства мірянъ и могли бы подвергнуться истязаніямъ за пренебреженіе государственныхъ установленій. Такимъ образомъ всякий изъ нихъ можетъ сдѣлать у себя собраніе, когда захочетъ, приглася къ себѣ всю собратію. Есть ли же такое собраніе дѣлаетъ недостаточный, который не имѣть чѣмъ накормить собравшихся къ нему, то прочие доставляютъ ему и нужную къ ужину пищу, или иногда приносятъ ону ѿ собою, ибо въ собраніяхъ они и ужинаютъ. Пришедъ въ собраніе, они привѣтствуютъ другъ друга, мужчины мужчинъ, а женщины женщины, взявшись другъ съ другомъ правыми руками, дѣлая другъ другу три поклона и цѣлуясь

троекратно; при началѣ каждый читаетъ свою молитву. Три поклона и троекратное цѣлованіе дѣлаются они во имя Три-Упостаснаго Бога, въ очищеніе плоти и для отогнанія гордости; рука за руку берутся въ знакъ союза и любви, благовѣщанія, познанія разума, познанія тайного Бога внутрь себя.

Въ продолженіе собранія читаются молитвы одинъ послѣ другаго, какъ кто знаетъ; поютъ всѣ вмѣстѣ псалмы и поучаются слову Божию. А какъ всѣ почти не умѣютъ читать, а потому не имѣютъ у себя и книгъ, то все сіе производится въ собраніи изустно. Священниковъ обыкновенныхъ у нихъ нѣть; они признаютъ священника единаго праведнаго, преподобнаго, не лживаго, не сквернаго, отлученнаго отъ грѣшниковъ и превознесеннаго превыше небесъ—Христа: онъ единъ и учитель ихъ. Итакъ, въ собраніяхъ поучаются они слову Божию другъ отъ друга; всякой можетъ говорить, что знаетъ, къ назиданію своей собратіи: даже самыя женщины изъ того не изъемлются, ибо, говорять они, и женщины имѣютъ разумъ, а свѣтъ—въ разумѣ. Молятся, стоя или сидя, какъ случится.

При окончаніи собранія также бываетъ троекратное цѣлованіе, какъ и при началѣ онаго; и послѣ того братія расходится по домамъ.

Все, сказанное здѣсь о времени и мѣстѣ, относится къ тѣмъ только духоборцамъ, кои жили или живутъ еще разсѣянно по селеніямъ, вмѣстѣ съ прочими крестьянами; что-жъ касается до переселившихся на Молочные воды, то они дѣлаются собранія свои на открытомъ воздухѣ въ двухъ кругахъ: кругъ мужчинъ и кругъ женщинъ.

Наиболѣе уважаемая въ обществѣ духоборцевъ добродѣтель, есть братолюбіе. У нихъ нѣть между собою собственности; но каждый имѣніе свое почитаетъ общимъ. По переселенію ихъ на Молочные воды, они доказали сіе на самомъ дѣлѣ; ибо они сложили тамъ всѣ свои пожитки въ одно мѣсто, такъ что теперь у нихъ общая денежная касса, одно общее стадо и въ двухъ селеніяхъ два общихъ хлѣбныхъ магазина. Каждый братъ беретъ изъ общаго имѣнія все, что ему ни понадобится. Страннопріимство — также не послѣдняя между ими добродѣтель, ибо съ проѣзжающими чрезъ ихъ селенія не берутъ они ни за постой, ни за пищу. Впрочемъ, дабы братья ихъ со временемъ не могли развратиться отъ пристающихъ у нихъ стороннихъ людей, то для сего построены на Молочныхъ водахъ особый общественный домъ, гдѣ должны останавливаться всѣ таковые проѣзжающіе. Здѣсь также пристають и угощаются свѣтскіе начальники на счетъ общества, и тутъ же хранится у нихъ общественная сумма.

Къ ближнему духоборцы сострадательны; самые мѣстные начальства при всѣхъ возводимыхъ на нихъ киеветахъ, не одинъ разъ засвидѣтельствовали предъ высшимъ правительствомъ, что они въ нуждахъ оказы-

ваютъ ближнимъ пособіе и велиція благотворенія. Они жалостливы даже къ домашнему скоту, ибо никогда почти не бываютъ онаго.

Строго также наблюдается между ними почтеніе дѣтей къ пілотскимъ родителямъ и вообще младшихъ ггтами къ старшимъ, хотя сіи старшіе и даже родители не присвоиваютъ себѣ надъ ними никакой власти, почитая себя духовно имъ разными.

Наказаній между братьями нѣть никакихъ, кроме исключенія изъ общества. Сіе исключеніе бываетъ за такие только поступки, изъ коихъ общество ясно видѣть, что въ исключаемомъ потерянъ уже духъ христіанства, и кои могутъ подать соблазнъ другимъ братіямъ. Но прежде такового исключенія каждый изъ братій, какъ скоро замѣтить въ комъ подобный поступокъ, по точному смыслу Священнаго Писания, напоминаетъ ему, что онъ дѣлаетъ худо; есть ли преступившийся отъ того не усовѣстится, то увищается при двухъ или трехъ братіяхъ; есть ли не послушается трехъ, то обличается въ цѣломъ собраніи; но есть ли и тогда останется упорнымъ, то рѣшительно уже исключается изъ общества.

Бывають однакожъ прамѣры, хотя весьма рѣдкіе, что нѣкоторые изъ ихъ братій, не сдѣлавъ явно никакого поступка, по которому бы могла подлежать исключению изъ общества, сами собою оставляютъ его, безъ соображенія для того, чтобы пожить по своей волѣ безъ всякаго принужденія: случалось даже, что жены оставляли своихъ мужей. Таковыхъ они не удерживаютъ, но даютъ имъ свободу, надѣливъ притомъ по возможности и имуществомъ.

Впрочемъ, исключенные изъ ихъ общества и сами собою отдѣлившіеся, могутъ и опять принять быть въ оное, есть ли совершенно раскаются въ своихъ проступкахъ и оставятъ развратную жизнь; чemu также нерѣдко бываютъ примѣры.

Упражненія ихъ обыкновенныя, смотря по званію, кто въ какомъ изъ нихъ находится. Такимъ образомъ купецъ занимается купечествомъ, а землемѣрецъ — землемѣремъ. Но какъ большая часть изъ нихъ суть землемѣры, то и обыкновеннѣйшее ихъ упражненіе есть землемѣре: нѣкоторымъ образомъ предпочитаютъ даже сіе благородное упражненіе всѣмъ прочимъ.

Въ обществѣ ихъ совершенно нѣть никакихъ старшинъ, кои бы управляли и распоряжали обществомъ; но общество управляетъ всѣми и каждымъ. Письменныхъ постановленій и правилъ также нѣть у нихъ никакихъ. Судя по обыкновенному духу простаго народа, въ обществѣ духоборцевъ должно бы казаться быть разногласіе и беспорядокъ; однакожъ такового беспорядка никогда у нихъ не замѣчено. На Молочныхъ водахъ до трехъ и даже до пяти малолюдныхъ семействъ уживаются въ одной большой избѣ.

Что касается до управлениія семействъ, въ частности взятыхъ, то

слабость и нужды женского пола, неопытность юношей и воспитание не пришедшихъ въ возрастъ дѣтей, конечно, требуютъ уже другаго по-рядка. Въ каждомъ семействѣ натурально долженъ быть старшій, и сей старшій есть родитель по плоти. Долгъ его есть промышлять о нуждахъ своего семейства, смотрѣть за поступками дѣтей, исправлять ихъ недостатки и научать закону Божію. Когда умираетъ родитель, то мѣсто его заступаетъ старшій изъ братьевъ; а въ случаѣ неспособности сего послѣдняго, въ управлѣніе семейства вступаетъ другой способнѣйшій.

Образъ воспитанія у духоборцевъ самый простой и единственный. Какъ скоро дитя начинаетъ говорить и понимать, то родителя начи-наютъ изустно обучать ихъ краткимъ молитвамъ и псалмамъ, переска-зываютъ имъ что-нибудь изъ священнаго писания, и такимъ образомъ всегда продолжаютъ наставлять ихъ изустно въ христіанскомъ законѣ. Когда же дѣти выучатъ нѣсколько молитвъ и псалмовъ, то вмѣстѣ съ другими ходятъ въ собрания, читаются въ свою очередь выученныи ими молитвы и поютъ съ прочими псалмы. Впрочемъ, и кромѣ родителей каждый изъ духоборцевъ за долгъ считается научить чему-нибудь полез-ному всякое дитя своей собратіи, какъ скоро имѣеть къ тому случай, и удержать отъ зла, есть ли то въ немъ замѣтить.

При таковомъ воспитаніи духъ родителей мало-по-малу переходить и въ ихъ дѣтей; образъ мыслей глубже въ нихъ вкореняется и ихъ склонность къ добру сильнѣе утверждается добрыми примѣрами. Увѣ-ряютъ, и очень естественно, что между множества дѣтей, каждый отли-чить можетъ духоборческихъ дѣтей отъ всѣхъ прочихъ, какъ колосъ пшеницы между овсомъ.

3) Ученіе духоборцевъ.

1) Главнѣйший догматъ исповѣданія духоборцевъ есть служеніе и поклоненіе Богу духомъ и истиной. Всякую наружность, яко ненужную въ дѣлѣ спасенія, отвергаютъ.

2) Они не знаютъ никакого символа вѣры, но говорять только о себѣ, что они вѣры Иисусовой. Извѣстный въ нашихъ церквяхъ сим-волъ вѣры они читаютъ, и все содержащееся въ ономъ признаютъ за истину; но полагаютъ его въ числѣ обыкновенныхъ своихъ псалмовъ.

3) Бога признаютъ въ трехъ лицахъ единаго-неисповѣдимаго. Вѣ-рутъ, что памятю мы уподобляемся Богу-Отцу, разумомъ—Богу-Сыну, волею—Богу-Духу Святому; также первое лицо,—свѣтъ—Отецъ Богъ нашъ; второе лицо—жизнь—Сынъ-Богъ нашъ; и третіе лицо—покой—Свѧть Духъ Богъ нашъ.

Изображеніе Три-Упостаснаго Бога въ натурѣ: Отецъ — высота,

«РУССКАЯ СТАРИНА» 1896 г., т. LXXXVII. Августъ.

Сынъ—широта, Духъ Святый—глубина. Сие же беруть и въ нравственномъ смыслѣ: Отецъ высокъ, и никто не можетъ выше его возлагать; Сынъ широкъ разумомъ; глубины никто не можетъ испроверять.

4) Понятіе, которое они имѣютъ о Христѣ, основано на евангельскомъ учениі: они признаютъ пришествіе его во плоти, дѣянія, учение и страданіе; но болѣе все то берутъ въ духовномъ смыслѣ и утверждаютъ, что все, что содержится въ евангеліи, должно совершиться въ насть. Такимъ образомъ Христосъ долженъ въ насть зачатыся, родиться, возрасти, учить, страдать, умереть, воскреснуть и вознестись; и въ семь-то они полагаютъ процессъ нового рожденія, или обновленія человѣка. Они говорять, что самъ Иисусъ былъ и есть евангеліе вѣчное, живое и посыпалъ сюе словомъ проповѣдывать. Оно самъ есть слово и пишется токмо на сердцахъ.

5) Вѣрють, что кромѣ Бога и Христа Его, нигдѣ нѣть спасенія; но есть ли Богъ не призываются отъ чистаго сердца, то и Онъ самъ спасти человѣка не можетъ.

6) Къ спасенію человѣка нужна несомнѣнная вѣра во Христа; но вѣра безъ дѣла мертвата, такъ, какъ и дѣла безъ вѣры. Вѣра же живая одна и есть сердечное принятіе евангелія.

7) Въ разсужденіи крещенія говорять, что они крестятся словомъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, какъ Христосъ заповѣдалъ апостоламъ, сказавъ: шедше, научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Крещеніе сіе совершается тогда, когда человѣкъ покается чистымъ желаннымъ сердцемъ и взыываетъ къ Богу: тогда оставляются ему грѣхи его, и онъ уже думаетъ о Богѣ, а не о мірѣ. Сие едино крещеніе исповѣдуютъ они во оставленіе грѣховъ.

Новое рожденіе и крещеніе духовное, по ихъ разумѣнію, есть одно и то же. Средство къ достижению нового рожденія есть живая вѣра въ Бога и молитва. Знаки рожденаго или крещенаго свыше, суть дѣла нового человѣка.

Впрочемъ, крещеніе сіе имѣть, по ихъ мнѣнію, седмь состояній или степеней:

Первое—крещеніе есть оставленіе грѣховъ; второе—познаніе міра, или разумѣніе пути Господня; третье—реченіе слова Господня, или глаголь Божій; четвертое—елеосвященіе, или освашеніе молитвы; пятое—исповѣданіе духовное; шестое—причащеніе духовное; седьмое—кровемученіе или смиреніе. Кровь означаетъ покрывало слова Божія. Сія же седьмая степень означаетъ еще у нихъ и соединеніе съ Богомъ.

Если кто достигъ до соединенія съ Богомъ, въ чёмъ полагаютъ они

седьмую степень духовного крещения, или нового рождения, туть живеть уже въ Богѣ; и таковой духовными очами можетъ зреТЬ и ангеловъ.

Наружное крещеніе водою почитаютъ бесполезнымъ и говорять, что вода смысваетъ только нечистоту наружнаго тѣла.

8) Они полагаютъ, что каждому истинному христіанину даются два имени: одно плотское, при плотскомъ рожденіи отъ родителей его даваемое; а другое духовное, которое нарицаеть ему Небесный Отецъ при духовномъ его рожденіи, соответственно его дѣламъ. Се послѣднее имя никому здѣсь неизвѣстно, а познано будетъ въ вѣчности.

9) Исповѣдуются въ своихъ грѣхахъ Богу Небесному, благому и милосердному, отпускающему всѣ наши согрѣшенія, — молитвами. Въ грѣхахъ противу своихъ собратій исповѣдуются предъ всѣма и просить у нихъ прощенія. Запираться въ грѣхахъ, когда другіе ихъ узнаютъ, почитается у духоворцевъ великимъ преступленіемъ: если по троекратномъ увѣщаніи таковой не усвѣстится, то его отвергаютъ отъ общества; они сильно охуждаютъ то, когда человѣкъ называетъ себя грѣшникомъ, дѣлаетъ изъ того родъ похвалы и ложнаго смиренія, и какъ бы извиваясь тѣмъ, но при томъ не старается исправить себя отъ своихъ грѣховъ. Когда человѣкъ падъ, то тогчась долженъ встать, просить у Бога прощенія съ сокрушеніемъ сердцемъ и всѣми силами остерегаться, чтобы паки не впасть въ подобный грѣхъ.

10) Что касается до причащенія, то они причащаются во всякое время святымъ и животворящимъ, бессмертнымъ и страшнымъ тайнамъ во оставление грѣховъ духовно, внутренно воспріятіемъ въ себя слова Божія, которое есть Христостъ; и таковое причащеніе, какъ говорять они, проникаетъ человѣческій разумъ сквозь костей и мозговъ.

Таинство причащенія тѣла и крови Христовой подъ видомъ хлѣба и вина не пріемлють, говоря, что хлѣбъ и вино входить во уста, какъ обыкновенная пища, и ничего душѣ нашей не пользуютъ.

11) Постъ полагаютъ они не въ качествѣ пищи, но въ воздержаніи отъ объяденія и другихъ пороковъ, въ чистотѣ, въ кротости и смиреніи духа. Воздержаніе отъ мясъ, по словамъ ихъ, не приносить душѣ никакой пользы.

12) Святыхъ почитаютъ, но не призываютъ на помощь, говоря, что они угодили Богу собственно для себя: мы должны только имъ подражать, что и называютъ они призывать ихъ дѣло.

Впрочемъ они не почитаютъ дѣла угодившихъ Богу праведниковъ — всѣ безъ разбора святыми: такимъ образомъ они судятъ, что когда Николай Чудотворецъ на соборѣ ударила Ария въ щеку, то тогда отъ него отступило слово Божіе, и онъ смѣшилъ рѣдьку съ медомъ.

13) Бракъ у нихъ не почитается таинствомъ и совершается по одному взаимному согласію молодой четы. Поелику нѣть между духов-

*

борцами никакого предпочтевія по богатству и знатности фамілій, то родители вовсе не мѣшаются у нихъ въ браки дѣтей. Церемоній и обрядовъ притомъ также не бываетъ никакихъ: довольно для сего одного согласія молодыхъ супруговъ и обѣщанія жить вмѣстѣ. Иногда однажды случается, что бракъ ихъ не прежде дѣлается явнымъ, какъ когда уже супруга понесетъ младенца. Впрочемъ, какъ скоро мужчина познастъ дѣвицу, то онъ не можетъ отказаться имѣть ее своею женой; въ противномъ случаѣ онъ исключается изъ общества. Сему же наказанію неминуемо подвергаются и прелюбодѣи, если бы случились они.

Разводовъ, въ намѣреніи вступить въ бракъ съ другими лицами, у нихъ никогда не бываетъ, ибо сіе было бы также прелюбодѣйство. Но если бы обѣ стороны пожелали не знать другъ друга для сохраненія чистоты, то сіе, конечно, зависитъ отъ нихъ самихъ. Мужъ по смерти жены и жена по смерти мужа могутъ паки вступить въ бракъ до трехъ разъ, почему однажды почти не бываетъ примѣровъ, ибо, говорить они, христіанинъ обязанъ укрощать плоть свою, а не похотствовать.

14) Усопшихъ поминаютъ они добрыми дѣлами и никакого уже другаго поминовенія по нихъ не творятъ: праведныхъ самъ Господь помянеть во царствіи Своемъ. Такимъ образомъ они и не молятся уже за умершихъ, почитая то для нихъ послѣ смерти безшлезнымъ. Впрочемъ, кончину христіанина не называютъ они смертію, но измѣненіемъ; а потому и не говорять, что братъ нашъ умеръ, но братъ нашъ измѣнился.

При погребеніи усопшихъ, обрядовъ у нихъ не бываетъ никакихъ; также никто обѣ нихъ и не плачетъ, кроме дѣтей, но и въ тѣхъ почтается сіе одною слабостію. Когда духоворцы жили скрытно, то тѣла умершихъ ихъ собратій погребались обыкновеннымъ образомъ на общемъ кладищѣ; но когда они сдѣлялись явны, то хоронили своихъ умершихъ въ особенныхъ мѣстахъ.

15) Створение первого человѣка исповѣдуютъ они такимъ же образомъ, какъ говорится о томъ въ священномъ писаніи, то-есть, что тѣло его взято отъ земли, и что Богъ вдунулъ въ него дыханіе жизни. До паденія онъ былъ чистъ и непороченъ, и тѣло имѣло лучшаго и совершенійшаго сложенія, или, по ихъ выражению, онъ былъ въ мирномъ тѣлѣ. Паденіе полагаютъ въ преступленіи заповѣди Божеской.

Она говорять, что тѣло въ человѣкѣ отъ земли, кости отъ камня, жилы отъ корня, кровь отъ воды, волосы отъ травы, мысль отъ вѣтра, благодать отъ облака. Сіе объясняется извѣстнымъ мнѣніемъ, что человѣкъ есть малый міръ.

О душѣ человѣческой говорять, что она есть спла въ Богѣ, а Богъ въ человѣкѣ.

16) Разсуждая о грѣхѣ наследственноу, они согласны, что отъ злыхъ родителей большую частію рождаются и злые дѣти; но притомъ

утверждаютъ, что грѣхи родителей не препятствуютъ спасенію дѣтей, и что въ дѣлѣ спасенія каждый самъ за себя долженъ будеть дать Богу отвѣтъ.

17) Въ разсужденіи блаженнаго состоянія праведныхъ и рая, говорятьъ, что царство въ силѣ, а рай въ словеси и что душа праведныхъ въ руцѣ Божіей, а потому не прикоснется къ нимъ и мука; въ разсужденіи же мученія грѣшныхъ и ада (полагаютъ), что грѣшныя души во тѣмъ ходять, чающе себѣ скорой погибели, и что адъ стоять на злобѣ.

О переселеніи душъ послѣ смерти разсуждаютъ, что человѣкъ дѣломъ оправдится и дѣломъ погибнетъ; что дѣло приводить каждого въ свои мѣста, и что послѣ смерти нѣтъ уже показанія.

18) Что касается до общаго воскресенія праведныхъ и грѣшниковъ, то духоборцы въ сужденіе о семъ не входятъ, предоставляя то единому Богу.

19) Вообще они не охотно или и вовсе не входятъ въ изысканіе таинственныхъ вещей съ людьми, мало вѣръ извѣстными, основываясь въ томъ на изреченій Спасителя, сказавшаго: не мѣщите бисера предъ свиньями. Они говорять, что теперь еще не время открывать сіи вещи, и что оныя скоро всѣмъ извѣстны будутъ.

Равнымъ образомъ и на вопросъ: какъ скоро ожидаютъ они пришествія Христова, отвѣчали, что судя по дѣламъ, въ мірѣ творящимся, надобно ему быть скоро.

20) Дабы человѣку спасти душу свою, то для сего не полагаютъ они нужнымъ быть въ ихъ обществѣ. Они говорять, что дѣло приводить ко спасенію, и для того нужно только уразумѣть путь Господень и исполнить его.

21) Театръ, по мнѣнію ихъ, есть школа сатанинская, гдѣ самъ сатана и діаволь присутствуютъ. Плюсуны, какъ на театрахъ, такъ и на прочихъ увеселеніяхъ уподобляются гусакъ, которые весною съ маткою выходять на траву, скачутъ и прыгаютъ, но все остаются гусаками и познанія о Богѣ не имѣютъ; когда же приходитъ морозъ, то они садятся и прячутъ свои ноги.

22) Въ убранствѣ покоевъ духоборцы не поставляютъ никакого грѣха; напротивъ того, говорять еще, что человѣку христіанинулично жить чисто и опрятно (чѣмъ они и сами, по ихъ увѣренію, отличались всегда отъ прочихъ крестьянъ въ ихъ селеніяхъ), нужно только смотрѣть, чтобы духъ не быхъ привязанъ къ симъ убранствамъ.

То же думаютъ они о картинахъ въ покояхъ, о портретахъ извѣстныхъ людей и даже изображеніяхъ святыхъ. Они говорять, что таковыя картины служить украшеніемъ дома и пріятны для глазъ; но поклоняться имъ отнюдь не должно, и есть грѣхъ смертельный.

23) О бритвѣ бороды и употребленіи табаку они говорятъ, что по-

елику ни борода, ни воздержание отъ табаку не составляютъ еще христианина, то ни въ томъ, ни въ другомъ не полагаютъ ни малайшей важности. Если бы имъ, какъ крестьянамъ, прилично было ходить безъ бороды, то бы они безъ всякаго затрудненія согласились себѣ оныя выбрать.

24) Когда духоборцы жили въ Россіи скрытнымъ образомъ, то необходиимость, конечно, заставляла и ихъ исполнять тогда для виду наружные обряды греко-рussійской церкви; но поелику они ихъ внутренне никако не уважали, то дабы не обнаружить образа мыслей своихъ, всякому обряду, всякой вещи, принадлежащей къ наружному богослуженію, давали особыя свои значенія и истолкованія въ духовномъ смыслѣ. Напримеръ, разсуждая о просфорахъ, они говорятъ, что:

Первая просфора есть согласіе православной вѣры; вторая—любовь не лицемѣрная; третя—поученіе въ правомъ достоинствѣ; четвертая—принятіе святыхъ тайнъ; пятая—просвѣтитель.

Пріобщивъ къ такому іероглифическому выраженію мыслей, они придаютъ нравственное значеніе и многимъ другимъ предметамъ; такъ, напримѣръ, каждому дню седмицы приданы у нихъ слѣдующія значенія, въ родѣ краткихъ нравоучительныхъ значеній:

Понедѣльникъ—вся дѣла Господня повѣда. Вторникъ—второе рожденіе человѣка. Среда—зовѣть Господь людей ко спасенію. Четвертокъ—читати Господа и святыхъ Его. Пятница—пой, прославляй имя Его. Суббота—бояться суда Господня, дабы не погубить душу свою въ неправдѣ. Воскресенье—воскресши отъ мертвыхъ дѣла и приди къ царствию небесному.

Семь небесъ означаютъ у нихъ семь евангельскихъ добродѣтелей, такимъ образомъ:

Первое небо есть смиреніе; второе—разумѣніе; третіе—воздержаніе; четвертое—братолюбіе; пятое—милосердіе; шестое—свѣтъ; седьмое—любовь; тамъ живеть и Богъ.

Подобно сему двѣнадцать христіанскихъ добродѣтелей изображаются у нихъ въ видѣ двѣнадцати друзей. Сии друзья суть:

- 1) Правда—человѣка отъ смерти избавляетъ
- 2) Чистота—человѣка къ Богу приводить.
- 3) Любовь—идѣ же любовь, тамо и Богъ.
- 4) Труды—тѣлу честь и душѣ вспоможеніе.
- 5) Послушаніе—скорый путь ко спасенію.
- 6) Неосужденіе—безъ труда человѣку спасеніе.
- 7) Разсужденіе—всей добродѣтели свыше.
- 8) Милосердіе—отъ него человѣка самъ сатана трепещетъ.
- 9) Покореніе—самого Христа Бога нашего дѣла.

10) Молитва съ постомъ—она человѣка съ Богомъ соединяетъ.

11) Покаяніе—иѣть закона и заповѣди выше его.

12) Благодареніе—радостно Богу и ангеламъ Его.

Кто пойметъ сихъ двадцатъ друзей, за того человѣка заступить двадцать ангеловъ и понесутъ душу его въ царство небесное.

Для образца предлагаются также здесь и двѣ молитвы изъ тѣхъ, какія читаются у нихъ въ собранияхъ:

1.

Къ кому пойду отъ Тебя, Господа моего, отъ лица Твоего къ кому убѣгу? Аще взыду на небо, Ты тамо еси, аще сиду во адѣ, Ты тамъ еси; аще возьму крылья мои рано, вселюся въ послѣднія моря, тамо рука Твоя наставить меня и удержитъ меня лесница Твоя. Къ кому пойду и гдѣ обрашу вѣчный животъ, аще 'не въ Тебѣ—Создателѣ моемъ? Къ кому пойду и гдѣ обрашу утѣшеніе, радость, пристанище, шокой душѣ моей? Къ кому пойду отъ Тебя, Господи Боже мой, Ты глаголы живота имаши въ Себѣ? Ты еси источникъ живота, податель всѣхъ благъ Твоихъ. Возкажда къ Тебѣ душа моя, возкажда къ Тебѣ сердце мое, Боже живота моего! Усладимся пресвятаго Твоего имени, пресладкаго Господа моего Іисуса; да уранена имъ будетъ душа моя, да узвено будетъ мое сердце, да ничто же будетъ мнѣ любезнѣйше во всемъ жатіи моемъ, паче пресвятаго Твоего духа; будуть сладки словеса Твоя гортани моей и устомъ моимъ, паче меду; оправданія Твоя вожделѣнны мнѣ будутъ, Господи, паче золата; каменія честна, много спаще, паче меда и сата.

2.

Како Тебе мы имѣемъ любити Господа своего; Ты бо еси животъ мой, Ты бо еси мое спасеніе, слава и похала; Ты бо еси моя богатства, вѣчная сокровища; Ты бо еси моя надежда и упованіе; Ты бо еси мое радование, вѣчный покой; лучше ли мнѣ любить вещь суетную, или вещь безвѣстную, превратную или погибельную, ложную, нежели Тебе, истинного живота моего? Животъ Ты еси, мое спасеніе: сего ради всю надежду мою, вся упованія моя, вся желанія моя въ Тебѣ единому полагаю. Тебе, Господи! взыщу всѣмъ сердцемъ моимъ, всю душою мою, всѣмъ помышленіемъ монъ; къ Тебѣ единому во углубленіе имамъ вся внутренняя, членова мнози; къ Тебѣ единому наливусь; весь буду въ Тебѣ, а Ты во мнѣ. Увѣмъ и познаю Тебе во истинномъ—во единомъ истинного Бога-Господа, Его же послалъ, Іисуса Христа. Во свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ благодатію Твоего Пресвятаго Духа.

Духоборцы, пріѣждавшіе въ прошломъ, 1804 г., въ Санктъ-Петербургъ

бургъ для испрошенія своимъ собратіямъ дозволенія къ переселенію на Молочныя воды, при обратномъ ихъ отвѣздѣ въ свои мѣста предъ самыи праздникомъ Рождества Христова, будучи вопрошаемы, не лучше ли имъ провести праздникъ въ Санктъ-Петербургѣ и послѣ онаго уже отправиться въ путь, сказали: для наась все равно, потому что праздникъ съ нами, внутрь наась.

Когда же увѣщаемы были, чтобы, поселись на Молочныхъ водахъ, жили они тихо и скромно и не старались обращать въ свою секту, то отвѣчали, что все, что надобно, уже посѣяно; что имъ не нужно болѣе объ ономъ стараться и что теперь настало время жатвы, а не посѣва.

* * *

II.

Правда о духоборцахъ.

Въ концѣ лѣта 1895 года въ нѣкоторыхъ столичныхъ и провинціальныхъ органахъ нашей печати стали появляться сообщенія и замѣтки о беспорядкахъ, возникшихъ среди поселеній на Кавказѣ сектантовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «духоборцевъ». Подобныя статьи продолжаютъ попадаться изрѣдка и по сіе времена и даже не только въ нашей русской прессѣ, но и въ заграницей. Такъ, напримѣръ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ англійской газетѣ «Times» было помѣщено длинное повѣствованіе о духоборскихъ волненіяхъ какого-то неизвѣстнаго автора, присланное въ редакцію при письмѣ графа Л. Н. Толстого, въ которомъ нашъ маститый писатель рекомендуетъ это произведеніе редакціи «Times», какъ вполнѣ достовѣрное и интересное по своему религіозно - общественному значенію. Еще позднѣе, довольно обширныя статьи, также неизвѣстныхъ авторовъ, были посвящены тому же вопросу въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», въ «Недѣлѣ», въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» и др. Всѣ, однако, эти статьи и замѣтки, бакъ русскія, такъ и иностранныя въ общемъ не выясняютъ достаточно подробно и обстоятельно суть дѣла, отчасти по своей отрывочности и неполнотѣ, отчасти же, вслѣдствіе своего явно-тенденціознаго направленія безусловно препятствующаго, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, всяческому беспристрастному читателю представить себѣ общую картину дѣла во всей ея полнотѣ и ясности. А между тѣмъ и самое событие по своей исключительности и связанный съ нимъ общий вопросъ о положеніи духоборцевъ въ нашей окраинѣ весьма интересны и въ историческомъ, и въ бытѣ, и въ государственномъ отношеніяхъ. Важенъ также и тотъ воз-

можный выходъ изъ ненормального положенія вещей, которыми должно закончиться все дѣло на практикѣ. Настоящая статья и имѣть свою цѣлью изобразить весь ходъ событій по возможности кратко, ясно и безпредвзятно.

Прежде всего однако необходимо, для выясненія многихъ существеннѣйшихъ причинъ возникшихъ волненій, коснуться хотя бы слегка, на основаніи лимбующихъ въ литературѣ источниковъ, историческихъ судебъ секты въ нашемъ отечествѣ, а также нѣкоторыхъ основныхъ догматовъ исповѣдуемаго ею вѣроученія.

Секта духоборцевъ появилась въ Россіи въ первой половинѣ прошлаго столѣтія въ губерніяхъ Тамбовской и Екатеринославской. Название свое «духоборцевъ» сектанты получили въ 1785 году отъ екатеринославскаго архіепископа преосвященнаго Амвросія, признавшаго въ нихъ вѣроученіе «противоборство» всѣмъ духовнымъ основамъ православной церкви. Самимъ сектантамъ это название очень понравилось, такъ какъ они объясняли его въ томъ смыслѣ, что они являются «борцами за Святаго Духа», поборниками Его, невидимо и исключительно присутствующаго въ ихъ средѣ. Благодаря таковому своему свойству, удовлетворяющему обѣ стороны, название это мало-по-малу завоевало себѣ право гражданства сперва въ языкѣ обыденномъ, разговорномъ, а затѣмъ утвердилось и въ языкахъ и сношеніяхъ официальныхъ.

Первыми основателями секты явились у насъ чужестранцы: квакеры и анабаптисты, заброшенные судбою на югъ Россіи. Но эти пришлые люди положили лишь основой, краеугольный камень новой ереси, всѣ же дальнѣйшіе фазисы ея развитія и видоизмененія суть плоды дѣятельности и мышленія исключительно русскихъ людей, возросшіе на русской почвѣ. Причину первоначальнаго успѣха квакерской пропаганды, конечно, надо искать въ томъ соціально-экономическомъ положеніи, въ которомъ находилось тогдашнее крестьянство, изъ среды которого исключительно и вышли первые адепты вѣроученія. Извуренное тяжелой рекрутчиною, порабощенное и подавленное неправосудіемъ, крѣпостнымъ правомъ и разнозданымъ произволомъ мелкихъ властей — крестьянство, за отсутствиемъ добросовѣстныхъ духовныхъ пастырей, почти незнакомое съ внутреннею сущностью ученія православной церкви — жадно прислушивалось къ рационалистическому ученію квакеровъ, проповѣдывавшимъ о такихъ заманчивыхъ вещахъ, какъ о равенствѣ всѣхъ людей и о грѣховности военной службы. Новая секта мало-по-малу стала рости и расширяться.

Но, если квакерское ученіе не могло быть терпимо въ Западной Европѣ, то тѣмъ менѣе оно могло быть допустимо въ тѣ времена у насъ

въ Россіи, не только вслѣдствіе отрицанія имъ основъ господствующей православной церкви, но и вслѣдствіе явнаго противорѣчія его всему соціально-политическому строю государства, а въ особенности главному его основанію — крѣпостному праву, которое отвергалось новою сектою во всѣхъ его частяхъ. Понятно поэтому, что сектанты сразу подверглись гоненію и преслѣдованію какъ со стороны правительственной и духовной власти, такъ, въ особенности, со стороны господствовавшаго класса общества — помѣщиковъ, существенные интересы которыхъ и затрагивало, главнымъ образомъ, новое вѣроученіе. Гоненія эти, однако, какъ основанные исключительно на насилии и тяжкихъ наказаніяхъ — пользы принесли мало. Сектанты стойко и терпѣливо выносили наказанія, но сть учениемъ своего не отрекались, а если и отрекались, то только наружно. Такое упорство вытекало не только изъ присущаго всѣмъ гонимымъ за вѣру фанатизма, но главнымъ образомъ поддерживалось и тѣмъ, что новое учение по своимъ основнымъ положеніямъ удовлетворяло нравственной потребности сектантовъ болѣе всѣхъ другихъ учений и въ соціальномъ, и въ политическомъ, и въ экономическомъ отношеніяхъ, а надежда на успѣшное распространеніе вѣроученія обѣщала имъ въ будущемъ избавленіе отъ той тяготы, отъ которой они страдали. Примыть результатомъ гоненій явились лишь бѣгство и укрывательство сектантовъ въ такихъ мѣстахъ, где бы ихъ не могли найти, а также всевозможныя ухищренія, чтобы скрыть слѣды культа отъ всѣхъ властей имущихъ.

Подобные побѣги и укрывательства повліяли, конечно, неизбѣжно и на чистоту первоначального учения секты. Кладя въ основу учения духовное совершенствованіе путемъ чтенія священнаго писанія и пѣнія псалмовъ въ собраніи вѣрующихъ, сектанты при укрывательствахъ не могли фактически удовлетворить этой потребности, отчасти за нераспространенностью въ тѣ времена книгъ священнаго писанія, отчасти же вслѣдствіе безграмотности большинства адептовъ новой вѣры. Пришлось ограничиться пѣніемъ псалмовъ заученныхъ напасть; но при отсутствіи лицъ, могущихъ исправлять ошибки, допускаемыя неизбѣжно при такого рода передачѣ, въ эти псалмы постепенно стали вкрадываться извращенія текста, часто совершенно именающія весь смыслъ псалма. Чѣмъ далѣе, тѣмъ эти извращенія все болѣе и болѣе искажали смыслъ священныхъ пѣснь и въ концѣ концовъ получалась какая-то рифмованная импровизація, не имѣющая по существу уже никакого смысла, какъ это замѣтно и теперь въ тѣхъ молитвенныхъ пѣснопѣніяхъ, которые распѣваютъ духоборцы при обращеніяхъ своихъ къ Господу Богу. Форма, такимъ образомъ, какъ и во многихъ другихъ русскихъ сектахъ окончательно поглотила внутренній смыслъ. Кроме того, за отсутствіемъ опредѣленного, признаемаго всѣми верховнааго пастыря секты, изъ среды сектантовъ стали

появляться отдельные самозванные проповѣдники, отличающіеся особой экзальтацией, тѣмъ болѣе, что возможность подобныхъ появленій бого-вдохновленныхъ личностей входила въ догму вѣрованій сектантовъ. Эти проповѣдники, дѣйствуя на воображеніе своихъ темныхъ слушателей болѣз-нными явленіями своей экзальтациіи, переходящими при передачѣ изъ устъ въ уста въ чудесныя явленія, являлись первоначально лишь истолко-вателями основнаго ученія, но потомъ, постепенно увлекаясь своею ролью и силой своего вліянія на массу, неизбѣжно стали вводить свои но-вые положенія,измѣняющія въ основахъ вѣроученіе секты. Подобныхъ проповѣдниковъ и реформаторовъ было въ духоборческой сектѣ нѣ-сколько, но наиболѣе выдающимися изъ нихъ были: нѣкій Силуанъ Ко-лесниковъ и особенно Савелій Капустинъ, который совершенно измѣ-нилъ первоначальныя основы ученія сектантовъ, а также придалъ сектѣ строгую организацію и установилъ ее въ настоящемъ ея видѣ.

Вмѣсть съ тѣмъ гоненія, воздвигнутыя на секту, имѣли значеніе для ея развитія и положенія не только религіозное, но и политическое. Съ одной стороны, эти гоненія соединили и сплотили сектантовъ, какъ лицъ постоянно находящихся въ одинаковой опасности, въ одно общее цѣлое, съ другой озлобили сектантовъ противъ гонителей, а въ осо-бенности противъ всѣхъ лицъ административныхъ и вообще власть имущихъ, какъ осуществляющихъ эти гоненія на практикѣ. Озлобле-ніе это, какъ и вообще у большинства русскихъ раскольниковъ, никогда не переходило въ открытое противодѣйствіе силѣ—силѣ. Напротивъ, нѣкоторый ореолъ мученичества за вѣру всегда былъ пріятель сознанію сектантовъ, такъ какъ въ самомъ фактѣ мученичества они почерпали надежду на вознагражденіе за него въ жизни будущей; но тѣмъ не менѣе озлобленіе духоборцевъ противу притѣснителей оставило по себѣ следы даже въ ихъ вѣроученіи и обычаяхъ. Такъ, въ началь они стали предавать своимъ притѣснителямъ различныя оскорбительныя названія и прозвища, но дабы скрыть смыслъ этихъ названій придумы-вали различные софистические объясненія. Называютъ они, напримѣръ, всѣхъ православныхъ христіанъ раскольниками, такъ какъ они-де поклоняются иконамъ, писаннымъ на доскѣ, которая расколона (отко-лота отъ куска дерева); называютъ ихъ же идолопоклониками, такъ какъ они-де поклоняются истуканамъ, ибо почитаютъ металличе-скій крестъ, который изстуканъ (выкованъ молоткомъ) изъ металла; на-званіе греко-российской вѣры сектанты переиначили въ грѣхо-россий-скую въ доказательство грѣховности ея и т. д. Съ теченiemъ времени, при послѣдующихъ поколѣніяхъ подобная софистическая толкованія, при всей ихъ наивности, превратились тѣмъ не менѣе въ предметъ вѣры и убѣжденій. Мало того, при продолжавшихся гоненіяхъ, вспоминая, что первые ихъ учителя были иноземцы, сектанты категорически отказа-

лись отъ своей русской народности, почему и иошеніе своего заимствованного отъ квакеровъ костюма и обязательное по примѣру тѣхъ же квакеровъ бритье бороды возвели въ культь своего ученія. Отреклись они также и отъ своего национального имени, русскимъ себя признавать и называть перестали, твердо воспринявъ лишь излюбленное свое прозвище «духоборцевъ», которое принципіально и замѣнило имъ народное имя.

Общественно-нравственная сторона жизни сектантовъ, подъ влияніемъ тѣхъ же гоненій, также сложилась у нихъ своеобразнымъ, двойственнымъ образомъ. Обстоятельства принудили ихъ замкнуться исключительно въ своей средѣ и сдѣлаться скрытыми относительно всѣхъ, не принадлежащихъ къ ихъ сектѣ. Не желая противиться силѣ силой по своему религіозному убѣжденію, они стали всячески лукавить передъ властью и, будучи наружно крайне почтительными, стали скрывать все, что только касается до ихъ дѣлъ. Будучи въ сношеніяхъ между собой крайне правдивы и честны, они такой лукавый образъ дѣйствій допустили лишь по отношению къ лицамъ, чуждымъ ихъ вѣры. Кромѣ того, дабы не имѣть дѣла съ властями, они ввели въ свой культь требованіе не судиться и не обращаться къ властямъ съ какой бы то ни было жалобою, рѣшая всѣ дѣла промежъ себѣ. Вообще ихъ общее правило: всяческимъ образомъ избѣгать сношеній съ властями, исполнять ихъ требованія, говорить съ ними только по необходимости, вѣжливо и почтительно, но не откровенничать и никогда ничего имъ про свои дѣла не разъяснять.

Гоненія на духоборцевъ возникли чуть ли не съ самаго начала возникновенія секты и продолжались до конца прошлаго вѣка, временами то усиливаясь, то ослабѣвая, но тѣмъ не менѣе всѣ эти гоненія въ тѣ времена практиковались только въ частныхъ случаяхъ, въ видѣ жѣрь случайныхъ, въ общемъ же новая секта особеннаго вниманія на себя правительства не привлекала. Общій правительственный взглядъ на секту выразился впервые лишь въ началѣ настоащаго столѣтія, когда въ 1802 году возникло въ Тамбовской губерніи первое громкое духоборское дѣло, ставшее предметомъ разбирательства высшихъ правительственныехъ сферъ и дошедшее до свѣдѣнія императора Александра I. Началось дѣло съ того, что экономические крестьянине селенія Троицкой Дубровы, въ дѣйствительности сектанты-духоборцы, но официально признаваемые за присоединенныхъ вновь къ лону православной церкви, народъ въ общемъ мирный, трезвый и трудолюбивый, отличавшійся домовитостью и зажиточностью и повинующійся приказаніямъ начальства—отказались всѣ, какъ одинъ человѣкъ, находившему къ нимъ на святкахъ православному священнику подходить по его требованію къ кресту, равно какъ и выплачивать ему по установленвшемуся обычаю различные святочные подарки. Произошло это,

какъ потомъ выяснилось изъ дѣла, неизключительно вслѣдствіе строптивости сектантовъ, а главнымъ образомъ вслѣдствіе весьма грубаго обращенія и многихъ насилий, допускаемыхъ по отношенію къ нимъ недостойнымъ священникомъ. Съ жалобой на различныя притѣсненія, терпимыя ими отъ причта, дубровскіе посыльные выслали ходока къ тамбовскому губернатору Палицыну. Этотъ послѣдній по принятіи жалобы назначилъ по дѣлу слѣдствіе, окончившееся не въ пользу дубровцевъ. Многіе изъ нихъ сами были уличены слѣдователями въ грубомъ и дерзкомъ обращеніи со священникомъ и кромѣ того было дознано, что у нѣкоторыхъ изъ нихъ происходили въ домахъ «еретическая собранія, соблазнившія православный народъ». О результатахъ слѣдствія губернаторъ счелъ долгомъ долести министру внутреннихъ дѣлъ графу Кочубею, а тотъ въ свою очередь довелъ все дѣло до свѣдѣнія государя. Вскорѣ послѣ того на имя губернатора былъ полученъ высочайший рескриптъ слѣдующаго содержанія:

«Со стороны гражданскаго начальства надлежитъ наблюдать, чтобы сектанты не давали себѣ оказывать священникамъ грубостей или презрѣнія, а паче не допускать, чтобы явнымъ разглашеніемъ своей ереси причинили они соблазны правовѣрнымъ, за что и предавать ихъ, какъ нарушителей общаго порядка, суду по законамъ».

Главныхъ вожаковъ духоборцевъ стали судить въ тамбовскомъ судѣ. Здѣсь они показали по поводу обвиненія ихъ въ измѣнѣ православію, что тамбовскіе священники угрозами склонили ихъ къ наружному принятию господствующей вѣры. При дальнѣйшихъ допросахъ они смѣло высказали и свое вѣроученіе. Они объявили суду, «что не почитаютъ православной церкви, животворящаго креста, святаго евангелія, иконъ—издѣлій рукъ человѣческихъ; креста рукою на себѣ не изображаютъ и на груди рукотворного креста не носятъ, но крестятся словомъ Божіимъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа; таинства причащенія, покаянія, крещенія и прочихъ не принимаютъ; священниковъ неизводятъ и въ дома къ себѣ не пускаютъ; имѣютъ же у себя единаго священника, преподобнаго и праведнаго, который есть Господь Богъ. Установленныхъ церковью постовъ не признаютъ, а всегда ёдятъ молоко и мясо, кромѣ свинаго, чтобы за яденіе его не подвергнуться одной участіи съ православными и не погибнуть. Новорожденныхъ дѣтей оставляютъ безъ крещенія на всю жизнь. Браковъ не имѣютъ, а живутъ по любви кому съ кѣмъ угодно. Умершихъ хоронять дома и служить Богу духомъ, духомъ водятся, духомъ бодрствуютъ и утверждаются, отъ духа мечъ принимаютъ и этимъ духовнымъ мечемъ воинствуютъ и все имъ одолѣваютъ».

На вопросы, касающіеся до отношенія сектантовъ къ предержащей власти и до распространенія ими ересі, они заявили: «Государя мы

весьма почитаемъ, властямъ повинуемся, запрещенныхъ сборашъ не имѣемъ, по селу съ пѣніемъ духоборскіхъ пѣсень не ходимъ и въ секту свою православныхъ не склоняемъ».

Для обличенія духоборцевъ, тамбовскій епископъ Феофилъ присыпалъ въ уѣздный судъ ректора семинаріи, но сектанты, несмотря на продолжительную миссионерскую проповѣдь послѣдняго, остались не-преклонны и твердо заявили, что православной вѣры они не хотятъ принять и не могутъ.

Въ концѣ концовъ судъ постановилъ: двухъ главныхъ виновныхъ изъ девяти обвиняемыхъ, наказавъ кнутомъ, сослать въ городъ Колу, а остальныхъ семерыхъ нещадно высѣчь плетьми на площади ихъ же селенія. Всѣхъ дѣтей духоборцевъ судъ повелѣлъ обязательно крестить. Этимъ однако дѣло еще не кончилось.

Когда опредѣленіе суда, касающееся тѣлеснаго наказанія, приводилось въ исполненіе, те по чрезмѣрному усердію лицъ, производящихъ экзекуцію двое изъ наказуемыхъ оказались засѣченными на смерть. Родные этихъ несчастныхъ предумали совершенно своеобразный способъ протеста. Они взвалили трупъ одного изъ засѣченныхъ на телѣгу и приказали одному выборному изъ своей среды отвезти его въ городъ и сложить на дворѣ губернаторскаго дома, что тотъ въ точности и исполнилъ. По поводу такой оригинальной формы обжалованья возникло опять новое дѣло. Снова было назначено слѣдствіе и снова состоялся приговоръ суда, по которому выборный, привезшій трупъ, былъ приговоренъ къ наказанію кнутомъ и къ ссылкѣ въ Колу, а пять человѣкъ причастныхъ къ дѣлу — къ наказанію плетьми.

Междудѣмъ на имя тамбовскаго губернатора послѣдовалъ новый высочайший указъ, доказывающій, что въ высшихъ правительственныйыхъ сферахъ на духоборцевъ стали смотрѣть гораздо гуманнѣе, чѣмъ въ низшихъ. Указать этоѣ повелѣвалъ:

1) Отвести духоборцамъ въ удаленіи отъ селеній участки земли для кладбищъ, такъ какъ погребеніе мертвыхъ тѣлъ въ домахъ и подъ какимъ видомъ не должно быть терпимо; погребать же на общихъ церковныхъ кладбищахъ духоборцевъ, какъ умершихъ въ церкви, запрещаютъ общія постановленія.

2) Назначивъ духоборцамъ такие участки, строго взыскивать, чтобы своихъ умершихъ тамъ и хоронили, а въ случаѣ нарушенія имъ этого правила предавать ихъ суду не за ересь, но за нарушеніе общей безопасности, и по суду ссылать ихъ въ городъ Колу.

3) Правила, на терпимость духоборской секты принятые, распространять и на искрещеніе младенцевъ; мѣстное начальство должно только смотрѣть, чтобы духоборцы не разглашали своей ереси виѣ семействъ

ихъ и не дѣлали ей никакихъ явныхъоказательствъ подъ страхомъ суда и наказанія.

Такимъ образомъ по смыслу этого указа ересь признавалась со стороны правительства вполнѣ терпимою и сектѣ запрещалось только лишь сокращеніе въ секту православныхъ.

Далѣе, относительно привоза мертваго тѣла на дворъ губернатора указомъ повелѣвалось тщательно разузнать о причинахъ смерти духоборца и предать суду мѣстныхъ городничаго и исправника за нерадѣніе ихъ къ служебнымъ обязанностямъ. Всѣдѣствіе этого второе духоборское дѣло о привозѣ мертваго тѣла — подверглось новому пересмотрю въ тамбовской уголовной палатѣ, причемъ палата, раскрывъ массу злоупотребленій, допущенныхъ прежними производителями дознаній и слѣдствій, вошла съ особымъ представлениемъ въ Правительствующій Сенатъ, который и смягчилъ наказаніе духоборцамъ, замѣнивъ плети нѣсколькими ударами батоговъ. Исправникъ въ городничай былъ по суду совершиенно оправданъ.

Впослѣдствіи все дѣло во всѣхъ его подробностяхъ было снова доложено министромъ юстиціи, княземъ Лопухиномъ, государю, послѣ чего послѣдовало вскорѣ новое высочайшее повелѣніе, еще болѣе гуманное, чѣмъ первый указъ.

По этому высочайшему повелѣнію отъ 16-го декабря 1804 года разрѣшалось всѣмъ духоборцамъ Тамбовской губерніи, а въ томъ числѣ и поселенамъ Троицкой Дубровы, «въ огражденіе ихъ отъ неумѣстныхъ и напрасныхъ притязаній въ отношеніи къ образу ихъ мыслей о религії» — выселиться въ Мелитопольскій уѣздъ Таврической губерніи на особо отведенную для нихъ казенную землю, известную подъ названіемъ «Молочные воды». Вѣсть о таковомъ распоряженіи государя прината была сектантами съ полнымъ восторгомъ. И дѣйствительно, имъ было чemu радоваться. Государю угодно было не только прекратить всякия преслѣдованія противъ ихъ ученія, но даже назначить имъ для жития отдѣльную территорію, дабы оградить ихъ отъ всякихъ посягательствъ на ихъ вѣроученіе со стороны всѣхъ другихъ людей, чуждыихъ имъ по нравственному міросозерцанію и по религіознымъ вѣрованіямъ. Отношеніе къ сектантамъ императора Александра I, истолкованное именно въ этомъ смыслѣ, послужило для нихъ мѣриломъ при опредѣленіи ими на будущее время своихъ отношеній ко всякой правительственной власти и въ общемъ сильно способствовало поднятію ихъ нравственного духа, каковое и не преминуло сказаться весьма скоро.

Едва лишь кончилось ихъ общее переселеніе въ новый край — продолжавшееся съ 1805 до 1813 г. — какъ тотчасъ же, восчувствовавъ силу своего объединенія, они обратились съ коллективной просьбою на высочайшее имя — признать за ними официально наименование «духобор-

цевъ», какъ названія, вытекающаго изъ сущности ихъ вѣроученія. Просьба ихъ была первоначально удовлетворена, но затѣмъ черезъ ивѣкоторое время, какъ видно изъ именного высочайшаго указа 9-го декабря 1816 года, государь императоръ призналъ неудобнымъ присвоить имъ какое-либо особое название и повелѣлъ именовать ихъ наравнѣ съ другими мѣстными сектантами «поселенцами мелитопольскими»¹⁾). Такое

¹⁾ Редакція считаетъ необходимымъ прибавить, что въ тотъ же день, 9-го декабря, императоръ Александръ писалъ херсонскому военному губернатору:

«Изъ двухъ представлений вашихъ къ управляющему министерствомъ полиції, касательно поселеныхъ въ Мелитопольскомъ уѣздѣ такъ называемыхъ духоборцевъ, вижу я, что вы испрашиваете переселеніи ихъ съ пынѣшнаго мѣста жительства на другое. Къ таковому представлению побуждается вы донесеніями о развратной будто бы ихъ жизни, зловредныхъ для общества правилахъ и желаніи разсѣвать оныя между другими.

«Въ слѣдствіе сего и по поданой со стороны самихъ духоборцевъ просьбы о защитѣ ихъ отъ притѣсненій, повелѣлъ уже и управляющему министерствомъ полиції снестись съ вами о доставленіи подробнѣйшихъ свѣдѣній объ обстоятельствахъ, до духоборцевъ касающихся.

«При семъ я признаю за нужное обратить ваше вниманіе особымъ образомъ на начало и причину переселенія сего рода людей изъ Слободско-Украинской и другихъ губерній въ Мелитопольский уѣздъ губерніи Таврической на Молочную воду.

«Сие переселеніе ихъ послѣдовало именно, какъ вы и изъ повелѣнія моего, давнаго бывшему новороссійскому губернатору Миклашевскому 25 января 1802 г., увидѣть можете, частію во уваженіе претерпѣнаго ими прежде разоренія, частію же во огражденіе ихъ отъ неумѣстныхъ и напрасныхъ притазаній въ отношеніи къ образу ихъ мыслей о религіи. Они отданы уже тамъ довольно отъ непосредственнаго съ прочими жителями сношенія и тѣмъ распространенію сей секты положены предѣлы. Въ продолженіе пѣсколькоихъ лѣтъ понимѣ правительство, не получая ни съ какой стороны жалобъ, ни донесеній о беспорядкахъ, имѣло всѣ причины полагать принятія по сemu мѣры весьма достаточными.

«Отдаленіе сихъ людей отъ православной греко-рussiйской церкви есть, конечно, съ ихъ стороны заблужденіе, основанное на ивѣкоторыхъ нogrѣшныхъ заключеніяхъ ихъ объ истинномъ богослуженіи и духѣ христіанства. Сие происходитъ въ нихъ отъ недостатка въ просвѣщеніи: «ибо ревность Божію имѣютъ, но не по разуму». Но просвѣщенному ли правительству христіанскому прizначествуетъ заблудшихъ возвращать въ иѣдра церкви жестокими и суровыми средствами, истязаніями, ссылками и тому подобнымъ? Ученіе Спасителя мира, пришедшаго на землю выскаки и счастіи погибшаго, не можетъ внушаемо быть насильствіемъ и казнью, не можетъ служить къ погибелі спасаемаго, коего ишутъ обратить на путь истины. Истинная вѣра поражается благодатю Господнею чрезъ убѣжденіе, поученіемъ, кротостію, а болѣе всего добрыми примѣрами. Жестокость же не убѣждаетъ никогда, но паче ожесточаетъ. Всѣ мѣры строгости, истощенные надъ духоборцами въ продолженіе 30 лѣтъ, до 1801 года, не только не истребили сей секты, но паче и паче пріумножали число послѣдователей ея.

высочайшее повелѣніе вызвало сильнейшій протестъ со стороны сектантовъ, и они снова отправили выборныхъ, для подачи нового прошенія по тому же предмету, настаивая на присвоеніи имъ названія «духоборцевъ», какъ вмѣющаго для нихъ важное значеніе религіозное. По заслушанію этого прошенія въ Комитетѣ Министровъ послѣдовало высочайшее повелѣніе объ объявленіи повѣреннымъ отъ мелитопольскихъ поселеній, что имъ не запрещается именовать самихъ себя духоборцами (Указъ 15-го мая 1817 года).

Въ этомъ новомъ проявленіи милостиваго отнапенія государя къ ихъ просыбамъ духоборцы опять-таки почерпнули иѣкоторую долю самоувѣренности, основанной на сознаніи своего значенія, признаваемаго, по ихъ истолкованію, и верховною властью. Не мало сподѣствовалъ также развитію ихъ самоувѣренности и самый фактъ сплоченія всѣхъ русскихъ духоборцевъ на опредѣленной, специальнѣ для нихъ отведенной территории. До этого она только и стре-

«Впрочемъ, мѣстныя начальства разныхъ губерній отзывались о духоборцахъ неоднократно весьма выгоднымъ образомъ со стороны ихъ поведенія, хотя и приносили жалобу на отпаденіе ихъ отъ православной церкви. Сенаторы Лопухинъ и Челепинскій-Мелецкій при обозрѣвши имя въ 1801 году Слободско-Украинской губерніи, вайдя тамъ сего рода людей, отдали имъ такъ-же во многомъ справедливость, хотя и не защищали ихъ заблужденій: ибо они судили о нихъ безпристрастными и на любви христіанской основаными образомъ.

«Всѣ сіи обстоятельства показываютъ довольно ясно, что не о новомъ переселеніи сихъ людей помышлять теперь надлежитъ, но объ огражденіи скорѣе ихъ самихъ отъ всѣхъ налишнихъ притязаній за разномысліе ихъ въ дѣлѣ спасенія и совѣсти, по коему ни принужденіе, ни стѣсненіе никогда участія имѣть не могутъ. Переселеніемъ таковыхъ судьба ихъ отяготится снова и они наказаны будутъ уже по одному доносу безъ изслѣдованія истины, обвиневія и доказательства. Благоустроенное правительство ни въ какомъ случаѣ и ни съ кѣмъ такъ не поступаетъ; а церковь православная, сколь ни желала бы обратить сихъ отпадшихъ отъ нея чадъ къ себѣ, можетъ ли одобрить мѣры гоненія, только противная духу главы ея, Христа Спасителя, оставившаго послѣдователямъ своимъ сіе достопамятное изреченіе: «Аще ли бысте вѣдали, что есть, милости хочу, а не жертвы, николи же убо бысте осуждали невинныхъ».

«Руководясь духомъ симъ, духомъ истиннаго христіанства, можно всего лучше успѣть въ достижениѣ желаемой цѣли по сему предмету. Колонію поселенцевъ сихъ я поручаю особенному и ближайшему вашему надзору и попеченію. Не полагалось ни на чьи донесенія, вы не оставите винкнуть сами безъ предубѣжденія во всѣ мѣстныя обстоятельства ихъ, узнать въ точности ихъ образъ жизни и поведеніе, взирая на нихъ окомъ безпристрастнымъ попечительного начальника, ищущаго пользы правительства во благѣ частномъ вѣреныхъ ему людей. Участь сихъ поселенцевъ должна устроена быть безопаснѣ. Надобно, чтобы они могли почувствовать, что они состоять подъ охраненіемъ и покровительствомъ законовъ, и тогда только надежнѣе можно

мались къ тому, чтобы, вырвавшись какимъ бы то ни было способомъ изъ-подъ гнета и притѣсненій чуждыхъ имъ и по мыслямъ и по убѣждѣніямъ людей, зажить сообща дружнымъ братствомъ и устроить свой собственный бытъ, основанный на принципахъ ихъ вѣроученія. Мечта ихъ теперь осуществлялась на дѣлѣ и понятно, что это обстоятельство еще болѣе укоренило въ нихъ сознаніе въ правотѣ ихъ ученія и въ чудесной помощи Бога, невидимо покровительствующаго своимъ избраннымъ сыномъ. Тутъ же на новой территории, собранные изъ разныхъ мѣстъ и оставленные въ покой, они продолжали детально разрабатывать свое вѣроученіе и выработали, наконецъ, свой особый религіозный культь, или вѣриѣ соціально-политический кодексъ, такъ какъ у нихъ трудно отдѣлить одно отъ другаго, тѣмъ болѣе что собственно религіозная сторона ихъ ученія имѣть лишь цѣлью прикрывать соціально-политическія основы.

Сущность нѣсколько измѣненного нового ученія духоборцевъ, до-

ожидать отъ нихъ любви и привязанности къ правительству и взыскивать исполненія по законамъ его, комъ столъ для нихъ благоворны. Если бы открыто было вами не по одному извѣту чьему-либо, но дѣйствительно на самомъ дѣлѣ, что у поселенцевъ сихъ укрываются дезертиры, бѣглые люди; если бы нашлось несомнѣнно, что они покушаются отвлекать другихъ отъ общей церкви по своему образу мыслей о религії—тогда, обращая силу закона на таковые противозаконные поступки, надлежитъ положить имъ преграду. Но и тогда нельзя допустить, чтобы за одного или нѣсколькихъ виновныхъ, уличенныхъ въ преступленіи, отвѣчало и было истязано все общество сихъ поселенцевъ, не участвовавшее въ ономъ. При доносахъ и обвиненіяхъ подобныхъ случаѣхъ, требуется внимательный разборъ, отъ кого сіи доносы происходить и какія могли быть побудительныя причины къ оному. Такъ и упоминаемые въ представлѣніи вашемъ двое изъ духоборцевъ, комъ, по обращенію къ православной церкви, показали на сіе общество разныя преступленія и свидѣтельствовали о развратной жизни въ ономъ, могли учинить сіе по злобѣ или ищенью; ибо легко можетъ быть, что они отвергнуты были сами отъ общества за дурные поступки или оставили оное изъ ссоры, или вражды. Одни показанія таковыхъ, едва ли вниманіе заслуживающія, не должны служить основаніемъ къ наложенію тотчасъ строгихъ слѣдствій, къ забиранию подъ стражу, заключенію въ тюрьмы и истязанію людей, не изъличенныхъ еще ни въ какомъ зломъ умыслѣ или проступкѣ. Самое изслѣдовавіе подозрѣваемаго преступленія должноствуетъ проходить такимъ образомъ, чтобы ни въ какомъ случаѣ невинный не пострадалъ отъ онаго.

«Полагаясь на ваше благоразуміе, искреннее желаніе добра и усердіе къ службѣ, я удостовѣренъ, что вы въ поручаемомъ вамъ чрезъ сіе не оставите сообразоваться во всей точности съ изясненными здѣсь мыслями моими, и ожидаю всевозможнаго отъ сего успѣха.

«Между тѣмъ имѣете вы донести мнѣ обстоятельно о мѣрахъ, какія вами въ слѣдствіе сего приняты будуть и что вы найдете по принятіи вами сей кодексъ подъ непосредственное ваше попеченіе.

Р. д.

шедшаго почти безъ перемѣнъ и до нашихъ дней, заключается въ общихъ чертахъ въ слѣдующемъ:

Прежнее вѣрованіе, что среди сектантовъ незримо присутствуетъ Святой Духъ, измѣнилось и перешло въ ученіе, что Иисусъ Христосъ не покидаетъ земли, а постоянно воплощается въ мірѣ въ особо избранныхъ изъ нихъ среди богоизбраннѣй личностей и этимъ путемъ управляетъ всею духоборскою общиною, которая поэтому является исключительно «Царствомъ Христовымъ». Изъ такого основнаго догмата ученія вытекаетъ, съ одной стороны, признаніе, что всякая иная власть въ государствѣ, равно какъ и всѣ правительственные лица и учрежденія, какъ создание рукъ человѣческихъ, нечестивы и бесполезны въ истинномъ царствѣ Христовомъ; а съ другой, что подобный богоизбраннѣй избранникъ, какъ вымѣщающій въ себѣ Иисуса Христа, непогрѣшимъ, а потому полноправенъ и безконтрольенъ въ распоряженіяхъ судьбою каждого изъ сектантовъ и всей общины, какъ въ духовныхъ дѣлахъ, такъ и въ мірскихъ. Такимъ образомъ подобные люди признались полновластными владыками сектантовъ, и духовными и свѣтскими.

Таинства у духоборцевъ безусловно отрицаются, и вся обрядная сторона вѣроученія упрощена до послѣдней степени; все сводится къ заунывнымъ напѣвамъ когда-то сочиненныхъ, въ теченіе долгаго времени переиначиваемыхъ и никому теперь непонятныхъ псалмовъ; въ однообразномъ причитаніи рифмованныхъ и безсмысленныхъ обращеній къ Богу и въ братскомъ поцѣлувѣ съ троекратнымъ, волнообразнымъ подталкиваніемъ пожимаемой руки сосѣда на подобіе движенія кадильницы. Даже брачные союзы не обставляются какимъ-либо духовнымъ ритуаломъ и все ограничивается согласіемъ главы секты и напоминаніемъ его супругамъ, что они должны жить мирно.

Но разорвавши связь съ родной народностью, правительствомъ и отечествомъ, у сектантовъ тѣмъ не менѣе сохранилось сознаніе, что они не могутъ прожить безъ связи съ какой-либо территоріей, составляющей для нихъ соединительное звено и точку опоры для жизни въ семъ мірѣ. Для удовлетворенія этого сознанія ими было изобрѣтено совершенно своеобразное, какъ все въ этой сектѣ—«отчество». Фактически подъ этимъ именемъ разумѣлась земля, принадлежащая или составляющая надѣль главы секты, на которой строилось зданіе, служащее для молитвенныхъ собраний сектантовъ и въ которомъ постоянно жилъ главарь, имѣющій Иисуса Христа, со своими ближайшими сподвижниками и приближенными. Привыкнувъ укрывать отъ властей всѣ основы и виѣшнія проявленія своихъ религіозныхъ вѣрованій и убѣждений, духоборцы дали этому учрежденію название «Сирогскаго дома» съ объясненіемъ, что цѣль его основанія — призрѣніе и обезпеченіе престарѣ-

*

льхъ вдовъ и сиротъ, не могущихъ содержать себя собственными трудаами. Для поддержанія этого учрежденія каждый духоборецъ обязанъ былъ дѣлать опредѣленные взносы отъ получаемыхъ прибылей и доходовъ, которыми непосредственно и безконтрольно распоряжался глава секты, привыкшій поэтому названіе при офиціальныхъ сношеніяхъ съ властями—«Управляющаго Сиротскимъ домомъ».

Но истинное значеніе «Сиротскаго дома» въ сущности совершенно иное. Онь-то и носиль между духоборцами названіе «Отечества» и здѣсь-то и сосредоточено было все управление сектой. Хотя главарь могъ фактически во всякое время, по своему усмотрѣнію, распорядиться имуществомъ каждого изъ сектантовъ, но капиталы и имущество «Сиротскаго дома» составляли какъ бы его личный непосредственный удѣль; а такого имущества и капиталовъ въ «Сиротскомъ домѣ» находилось всегда на нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Означеніе сборы и имущество менѣе всего шли на удовлетвореніе тѣхъ гласныхъ нуждъ, для коихъ они были офиціально установлены, т. е. на обеспеченіе существованія вдовъ и сиротъ. Главнымъ назначеніемъ этого богатства было поддержаніе и выручка обѣднѣвшихъ и впавшихъ въ долга духоборцевъ. Такъ какъ однѣмъ изъ главныхъ догматовъ духоборскаго ученія былъ трудъ, то бѣдныхъ по лѣности или праздности въ сектѣ не допускалось; если же кто-либо впадалъ въ разореніе по несчастію, то «Сиротскій домъ» ставилъ его на ноги, не только давая все необходимое, но и снабжая широкую помощью для дальнѣйшихъ операций. Хотя такія пособія выдавались обыкновенно въ даръ, безвозмездно, но само собою складывалось, что облагодѣтельствованный и ставшій на ноги духоборецъ считалъ своей нравственnoю и религіозною обязанностью возвратить даже съ лахвой «Сиротскому дому» полученную имъ своевременно помошь. Отсюда понятно, что какъ широко ни расходовались капиталы «Сиротскаго дома», они въ концѣ концовъ не только не изсякали, но напротивъ все преумножалось. Изъ суммъ того же «Сиротскаго дома» выплачивались за всѣхъ духоборцевъ всѣ подлежащія государственные, земскія и общественные деяежныя подати и повинности, при чѣмъ сектанты объясняли себѣ подобная уплаты вообще, что это пимъ платится «дань» правительству, какъ знакъ ихъ подчиненности только сихъ, но что такая уплата отнюдь не вытекаетъ изъ ихъ обязанностей вѣрюноданныхъ подобно всѣмъ другимъ жителямъ имперіи. Въ силу такого толкованія духоборцы всегда считали себя людьми свободными, не отбывающими никакихъ повинностей.

Таково было материальное значеніе «Сиротскаго дома» для духоборцевъ; но и нравственное его вліяніе на сектантовъ было всегда не ниже, если не выше. Глава секты или управляющій «Сиротскимъ домомъ» далеко не былъ доступенъ для всѣхъ вѣрюющихъ. На общія

собранія сектантовъ онъ являлся обыкновенно серьезнымъ, задумчивымъ какъ бы отрѣшившимъ отъ всего мірскаго, молчаливымъ, а если и заводилъ рѣчь, то не просто говорилъ, а пророчествовалъ. Для посредства между владыкою, такимъ самозваннымъ богочеловѣкомъ, и остальными сектантами существовали «атаманы» «Сиротского дома», на обязанности коихъ лежало, гласно, управлениe по указаніямъ главаря разроставшися имуществомъ «отечества», а въ сущности это были его вѣрные агенты и соглядатаи, доносившіе ему о дѣйствіяхъ и поступкахъ каждого изъ вѣрующихъ, а затѣмъ безпрекословно исполнявшіе всѣ его велѣнія. Отсюда вытекала поражающая простыхъ сектантовъ божественная прозорливость и всевѣдѣніе ихъ главы. Система шпіонства, столь необходимая для прославленія всевѣдѣнія главаря и для дисциплинировки секты, всегда была развита у духоборцевъ въ сильной степени. На ряду съ этимъ была установлена и лѣстница наказаній, главнымъ образомъ тѣлесныхъ и притомъ практикуемыхъ въ самомъ ужасномъ видѣ, о которомъ не принадлежащіе къ сектѣ не имѣютъ понятія. Пускались въ ходъ и книутъ и кощка и тому подобныя орудія, составляющія принадлежность пытокъ и приминаящіяся при малѣшемъ неуваженіи или уклоненіи отъ приказаній главы секты. Но самъ управляющій не выступалъ на сцену и въ подобныхъ случаяхъ, а приведеніе въ исполненіе его опредѣленій лежало на тѣхъ же атаманахъ, обязанныхъ дѣлать это быстро и въ точности, иначе они подвергались тѣмъ же жестокимъ наказаніямъ. Къ обязанностямъ атамановъ относилось также сообщеніе сектантамъ откровеній, дѣлаемыхъ управляющимъ о томъ, напримѣръ, что онъ видѣлъ, плавая на облакахъ, или о чёмъ бесѣдовалъ съ явившимся къ нему китайскимъ посломъ и тому подобныхъ чудесныхъ или изъ ряда выходящихъ явленіяхъ. Вѣрили ли сами атаманы этимъ явленіямъ — трудно сказать; но вѣрно одно, что высказывать сомнѣнія имъ было, конечно, и опасно и невыгодно.

Для полноты характеристики отношеній между сектантами въ главою слѣдуетъ добавить, что грамотность между духоборцами была запрещена и допускалась какъ исключеніе, а равно, что ни одинъ духоборецъ не имѣлъ права предпринять что-либо безъ разрѣшения управляющаго «Сиротскимъ домомъ». Такимъ образомъ порабощеніе сектантовъ было полное и со стороны ихъ вождей были приняты всѣ мѣры для предупрежденія разсѣянія годами сгущеннаго мрака. Продолжительность и постоянство подобного порабощенія изъ поколѣнія въ поколѣніе привели къ тому, что духоборцы не только не смѣли разсуждать, но даже утратили до какой-то степени способность собственнаго мышленія и на все глядѣли глазами управляющаго общиной. Благодаря этому, когда во главѣ секты въ должности управляющаго «Сиротскимъ домомъ» стали появляться люди разгульные и беззравственные, не могущіе

скрыть отъ массы своихъ низменныхъ инстинктовъ, духоборцы и на это не претендовали и не роптали, объясняя все лишь слабостью человѣческой натуры своего вождя и даже просто тѣмъ, что такъ угодно «батюшкѣ, дѣйствующему по Божескому произволенію».

Держась вдали отъ массы сектантовъ, управляющіе «Сиротскимъ домомъ» точно также никогда не выступали въ качествѣ главы секты и предънаучальствомъ. Напротивъ, они и въ этомъ случаѣ представлялись исключительно управляющими хозяйственными частями «Сиротского дома» въ узкомъ значеніи этого слова. Для сношенія же съ представителями администраціи и вообще вѣнчаниемъ міромъ, избирались, до поселенія духоборцевъ въ одномъ мѣстѣ, повѣренные и ходоки, а по образованіи изъ нихъ сельскихъ обществъ—установленные закономъ общественные старшины и другіе чины сельской администраціи. Но какъ выборъ должностныхъ лицъ, такъ и всѣ дѣйствія ихъ строго направлялись и контролировались въ «Сиротскомъ домѣ», главою секты, дававшимъ обязательныя указанія, представлявшіи изъ себя пророчества и составлявшія предметъ религіознаго культа. Поэтому въ духоборческихъ сельскихъ обществахъ всегда замѣчался крайне оригинальный и интересный фактъ, что со временемъ ихъ образованія не было ни одного приговора, рѣшившаго дѣло по большинству голосовъ, а всѣ они постановлялись всѣми единогласно. Объясненіе этого явленія лежать именно въ указанномъ выше безусловномъ подчиненіи сельчанъ волѣ главы секты, диктовавшемъ всѣ рѣшенія¹⁾.

Первымъ главою секты, «богочеловѣкомъ», считавшимся «вмѣщающимъ въ себѣ Іисуса Христа», былъ вышеназванный Савелій Капустинъ, проповѣдникъ нового ученія и организаторъ «Сиротского дома» и всей вообще секты въ настоящемъ ея видѣ. Импонируя своимъ послѣдователямъ привлекательнымъ наружнымъ видомъ, а равно и духовными качествами, какъ то: глубокимъ природнымъ умомъ, прекрасной памятью, замѣчательнымъ краснорѣчіемъ, Капустинъ настолько умѣлъ увлечь духоборцевъ, что они не только признали въ немъ воплотившагося Іисуса Христа и поклонялись ему, но увѣровали даже въ ученіе о послѣдовательномъ переходѣ Христовой души въ его сына и дальнѣйшее потомство. Поэтому, послѣ смерти Савелія Капустина, земнымъ Христомъ и главою секты были признаваемы послѣдовательно

¹⁾ Изъ всего вышеприведенного видно, что „Сиротский домъ“ составляетъ для духоборцевъ ветхозавѣтную еврейскую скпню—съято-съятыхъ секты, безъ которой они жить не могутъ. „Духоборство,—говорить одинъ изъ администраторовъ въ своемъ донесеніи,—безъ „Сиротского дома“ безусловно не можетъ существовать, какъ тѣло безъ головы, думающей, рѣшающей и направляющей дѣйствія всѣхъ остальныхъ членовъ“. Ред.

его сынъ—Василій Калмыковъ¹⁾), внукъ Иларіонъ (пришедшій съ дуборцами въ Закавказье), правнукъ Петръ и, наконецъ, жена послѣдняго—Лукерья Калмыкова.

Благодаря указанному обстоятельству у духоборцевъ образовалась своя управляющая сектою наследственная, какъ они называютъ, «линия» или династія.

Но перечисленные догматы духоборческой секты не заключаютъ въ себѣ еще всего ученія, а составляютъ только его сущность. Подъ вліяніемъ этихъ главнѣйшихъ основаній новой вѣры, выработались не столько духовныя правила, сколько особая духоборческая этика, отступлений отъ которой, однако, не допускалось. Въ силу этой этики каждый духоборецъ долженъ быть стараться съ русскими казаться русскимъ, съ поляками—полькомъ, съ турками—туркомъ и т. д. Письменность не допускалась. Духоборцамъ строго вимѣнялось въ долгъ свято исполнять свои обязательства словесныя и воспрещалось вести дѣла въ судебныхъ или административныхъ учрежденіяхъ. Въ обычной жизни духоборцы должны были вести себя скромно, смиренно; всѣмъ чиновнымъ людямъ, снявъ издали шапки, низко кланяться; отвѣтчица на ихъ вопросы условными, заранѣе заученными фразами;вести трезвую жизнь, избѣгать всякихъ развлечений и пустословій. За величайшій грѣхъ считалось не только произнесеніе, но и повтореніе за другими какого-либо грубаго слова или выраженія, на основаніи кореннаго догмата, что «не то грѣхъ, что входитъ въ уста, а то, что выходитъ изъ усть». Духоборецъ какъ бы ни былъ зажиточенъ, обязанъ трудиться всю жизнь и можетъ заниматься только полевыми работами, скотоводствомъ и извозомъ. Другими отраслями промышленности и торговлею заниматься воспрещено, такъ какъ это неизбѣжно приводить въ близкое столкновеніе съ халдѣями, т. е. съ непринадлежащими къ сектѣ, и вводить въ грѣхъ. Всѣ помыслы духоборца должны быть направлены къ преумноженію своего экономического благосостоянія, дабы чрезъ это онъ могъ получить большую возможность способствовать возвеличенію «отечества», поэтому лѣнность не допускается и строго преслѣдуется. Духоборцы и духоборки всѣхъ возрастовъ обязательно должны носить точно опредѣленный костюмъ.

Въ этихъ правилахъ, выработанныхъ первыми вѣроучителями и оформленныхъ и утвержденныхъ послѣдующими главарями, секта за-

¹⁾ Перемена фамиліи у Василія Калмыкова произошла вслѣдствіе того, что самъ Савелій Капустинъ былъ, по свѣдѣніямъ, бѣглый солдатъ; по этому, опасаясь, что его сынъ будетъ записанъ въ кантонисты, онъ упросилъ своего тестя Никифора Калмыкова записать сына родившимся въ его семье, почему Василій Капустинъ и принялъ фамилію Калмыкова.

стыла. Узаконенный религіозными вѣрованіями и поддерживаемый жестокими наказаніями, отъ которыхъ не избавлялись ни старики, ни женщины, ни дѣти, вышеприведенный режимъ жизни довелъ къ установлению среда духоборцевъ идеальной дисциплины, но, имъ послѣдствиемъ большую ихъ за�иточность, весьма пагубно отзывалася на ихъ умственномъ развитіи. Изъ сильныхъ и здоровыхъ тѣломъ людей—вырабатывались какіе-то автоматы, утратившіе способность свободнаго мышенія и являющіеся лишь слѣпыми исполнителями велійного своего верховнаго владыки.

Съ водвореніемъ духоборцевъ на «Молочныхъ водахъ» сплоченіе ихъ достигло своего предѣла, равно какъ и порабощеніе отдѣльныхъ членовъ управляющему «Сиротскимъ домомъ». Но вмѣстѣ съ тѣмъ и распространеніе секты прекратилось, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того, что кругомъ была или необъятная степь, или поселки сектантовъ другихъ толковъ, въ свою очередь также фанатиковъ своего религіознаго убѣжденія и не поддававшихся вліянію другой вѣры. Казалось, главная цѣль правительства была достигнута, но такое положеніе вещей длилось не долго. Съ конца двадцатыхъ годовъ и въ послѣдующіе тридцатые года текущаго столѣтія югъ Россіи началъ быстро оживать и населяться различными поселенцами, и, съ прибытіемъ ихъ, духоборческая секта стала вновь распространяться. Поэтому въ концѣ тридцатыхъ годовъ состоялось повелѣніе императора Николая I—всѣхъ духоборцевъ, не желающихъ присоединиться къ православію, выселить въ Закавказье. Сектанты совершили, повидимому, хладнокровно избрали послѣднюю мѣру, какъ ни тяжело было подобное переселеніе, вызвавшее оставленіе насажденныхъ и обработанныхъ мѣсть, а равно и разореніе всего заведенного. Переселеніе совершилось въ 1841 году подъ руководствомъ упомянутаго выше тогдашняго главы секты Иларіона Калимыкова.

Въ Закавказіи для водворенія прибывающихъ сектантовъ избрано было въ Ахалкалакскомъ уѣздѣ, Тифліской губерніи, на бывшей въ то время русско-турецкой границѣ, высокое плоскогорье, известное подъ названіемъ «Мокрыя горы», отличавшееся настолько суровымъ климатомъ, что не всегда вызрѣваетъ ячмень. Окруженные со всѣхъ сторонъ чуждымъ туземнымъ населеніемъ, духоборцы еще болѣе замкнулись въ своей общинѣ и начали на прежнихъ основаніяхъ устраивать свою жизнь, ни на іоту не отступая отъ своихъ религіозныхъ и соціально-политическихъ доктринъ. Основывая отдѣльные селенія, они даже присвоили имъ тѣ же самыя названія, которыя носили ихъ старыя селенія на «Молочныхъ водахъ». Осмотрѣвшись на новомъ мѣстѣ и убѣдившись, что хлѣбопашество, въ силу климатическихъ условій, не можетъ идти успѣшно, духоборцы обратили главнымъ образомъ вниманіе

на извозъ, въ чёмъ, за бездорожьемъ и при примитивномъ способѣ передвиженія у туземцевъ, край сильно нуждался, а также на скотоводство, которому благопріятствовали обширныя пастбища на «Мокрыхъ горахъ».

Послѣ переселенія духоборцевъ въ Закавказье взглядъ на нихъ въ общемъ существенно измѣнился. Администрація внутреннихъ губерній имперіи, а также и общество болѣе всего возставали противу духоборцевъ за распространеніе имъ ученія, влекущаго за собою разрушеніе установившагося общественного строя; на новомъ же мѣстѣ пропаганда духоборского ученія совсѣмъ не могла имѣть успѣха, съ одной стороны вслѣдствіе разноплеменности и различія нарѣчій, на которыхъ говорили ихъ сосѣди, вѣкоторые изъ коихъ были мусульмане и смотрѣли на нихъ какъ на христіанъ, а съ другой — и въ силу того, что для южныхъ народовъ, по самой ихъ натурѣ, суровый режимъ духоборства являлся далеко не привлекательнымъ и особыхъ симпатій не вызывалъ.

Въ глазахъ же кавказской, русской администраціи вся эта своеобразная, тѣсно сплоченная община, съ своими главарями, желѣзною дисциплиной, однообразнымъ костюмомъ, представлялась симпатичными трудолюбивыми муравейникомъ, въ которомъ копошились добродушные русскіе люди, безпредѣльно послушные, аккуратно платившіе подати, отбывавшіе всѣ повинности съ чрезвычайнымъ усердіемъ и при сношеніяхъ съ должностными лицами высказывавшіе особенную служливость и высокопочитаніе. Дѣйствительно, духоборцы не замѣчались ни въ какихъ предосудительныхъ поступкахъ, одинаково чуждались всѣхъ сосѣдей, къ какой бы національности они ни принадлежали, и ни въ судебныхъ, ни въ административныхъ учрежденіяхъ не имѣлось о нихъ никакой переписки.

Живя такимъ образомъ изъ года въ годъ, духоборцы прожили въ Закавказье полѣ вѣка. За это время они сильно разиножились и дошли до чрезвычайной зажиточности, новиданной въ Закавказье въ крестьянской средѣ. Имѣя въ своемъ распоряженіи громадныя перевозочные средства, они оказывали не маловажныя услуги правительству при передвиженіи войскъ, въ особенности во время послѣдней турецкой войны, за что были щедро вознаграждены материально и обласканы всячески, какъ лица, исполнившія высокій патріотическій долгъ.

Но не одно только благонравіе духоборцевъ обращало на нихъ вниманіе администраціи. Кавказское начальство считало ихъ русскими людьми, русскими по крови и по духу, пострадавшими за свои вѣрова-нія и заброшенными на турецкую границу, среда чуждыихъ имъ по племени туземцевъ, въ пустынную мѣстность, на высоту 6.000 футовъ надъ уровнемъ моря. Поселившись при столь неблагопріятныхъ условіяхъ, перенеся лишенія и нужду, они, благодаря упорному трудолюбію и

осмотрительной жизни, не только достигли материального благосостояния, но заставили все окрестное население уважать себя и на далекой окраинѣ высоко подняли русское культурное знамя. Раскинувшись на обширной территории, среда инженерского туземного населения, цветущая села ихъ являла изъ себя отрадный видъ оазисовъ, а съ политической стороны представлялись естественными пунктами русского дѣла и влияния въ краѣ. Всѣ эти соображенія и еще болѣшія надежды на будущее дѣлали то, что духоборцы въ Закавказье пользовались всегда симпатіями русскихъ властей.

Все было спокойно у сектантовъ и они, безъ всякихъ волненій, пережили тяжелый для всей секты моментъ, когда въ 1864 году бездѣтно умиралъ еще молодой глава секты — Петръ Калмыковъ и прекращалось мужское поколѣніе главенствующей линіи (династіи). Съ отчаяніемъ въ душѣ духоборцы спрашивали умирающаго вождя: «на кого, Петруша, вы изволите насть покидать?» Умирающій, указавъ на жену свою Лукерью, изъ рода Губановыхъ, сказалъ: «оставляю вамъ вмѣсто себя вотъ эту мою кукушку; но послѣ нея не имѣть вамъ болѣе благодати Святаго Духа». Послужные священій для нихъ волѣ, духоборцы, послѣ смерти Петра Калмыкова, вдову его Лукерью провозгласили управляющею «Сиротскимъ домомъ».

Лукерья Васильевна Калмыкова была женщиной разсудительной, управляла подобострастно обожавшими ее духоборцами 22 года, и время ея правленія можетъ считаться золотымъ вѣкомъ духоборческой секты. Въ это время «Сиротский домъ» наиболѣе развилъ свое материальное благосостояніе; разбогатѣли также и отдельные лица, начавшія владѣть купленными или долгосрочно арендованными имѣніями, хранившіе большие капиталы въ кредитныхъ учрежденіяхъ, державшіе крупные подряды и т. п. ¹⁾). Но кризисъ близился.

Въ 1886 году, послѣ кратковременной болѣзни, скончалась Лукерья Калмыкова, не оставивъ завѣщанія и не указавъ на лицо, которое могло бы занять ея мѣсто. Но сдѣлать подобное указаніе умравшей было крайне трудно, хотя она и сознавала, что духоборцы не могутъ оставаться безъ главаря. Должность управляющаго «Сиротскимъ домомъ» не была выборной, а составляла удѣлъ священій для духобор-

¹⁾ «Такое имущественное положеніе,—сказано въ донесеніи того же лица,—не только при отсутствіи гоненій, но при общемъ вниманіи и ласкѣ высшихъ административныхъ властей, вскружило голову духоборцамъ, и они начали смотрѣть на свое положеніе какъ на что-то должное, какъ на новую программу правительства, окончательно сознавшаго свои прошлыхъ ошибки и начавшаго заискивать у нихъ; такую перемѣну въ своемъ положеніи они приписывали твердой и мудрой политикѣ своихъ богодухновенныхъ руководителей».

Ред..

цевъ «лини» Калмыковыхъ. Если четверть вѣка тому назадъ сама Лу-
керья, принадлежащая къ другому роду, заняла етотъ постъ,—то един-
ственюо благодаря непосредственному указанию глубокочтимаго Петра
Калмыкова, какъ его вдова и какъ особа, хорошо известная всѣмъ ду-
хоборцамъ, жившимъ одной семьей, въ одной губерніи. Но въ годъ
смерти Лукеры дѣло стояло иначе: о бѣдствіяхъ и гоненіяхъ, такъ
тѣсно сплотившихъ сектантовъ,—уже давно не было и помину; ду-
хоборцы въ послѣднее время раскинулись въ предѣлахъ трехъ губерній,
(Тифлисской, Елисаветпольской и Карской области), что, вмѣстѣ съ при-
обрѣтеніемъ многими личнымъ богатствомъ, разобщило интересы сек-
тантовъ. Въ такое-то именно время и исчезаетъ послѣдній представи-
тель рода Калмыковыхъ, связывавшихъ духоборцевъ вѣрою въ нихъ
и почти вѣковою традицію. Предстояло появиться новому Савелю Ка-
пустину, который смогъ бы соединить всѣхъ проживающихъ въ трехъ
губерніяхъ Закавказья духоборцевъ вѣрою въ священность своей особы
и такимъ способомъ начать новую линію. Но этому новому повелителю-
пророку, какъ не имѣющему за собой прошлаго, пришлось бы заново,
не ограничиваясь принятіемъ прежде существовавшей власти, утвер-
ждать свой авторитетъ въ соціально-политическомъ и религіозномъ
отношеніяхъ какими-нибудь необыкновенными дѣйствіями или явле-
ніями. Между тѣмъ устроить что-нибудь въ этомъ отношеніи являлось
уже и затруднительнымъ, такъ какъ материальные интересы получили
перевѣсъ и къ однімъ разсказамъ о чудесахъ отнеслись бы съ сомнѣ-
ніемъ.

При такихъ условіяхъ, казалось, не могло быть рѣчи о наслѣдникѣ
или замѣстителеѣ власти Калмыковыхъ, но къ удивленію мѣстной адми-
ністраціи подходящій соискатель не замедлилъ проявиться въ лицѣ иѣ-
коего Петра Веригина, уроженца села Спасовки, Елисаветпольской гу-
берніи.

Петръ Веригинъ, совсѣмъ молодой и рѣдкой красоты парень, грамот-
ный, безпринципный духоборецъ послѣдніе годы жизни Лукеры Кал-
мыковой находился неотлучно при ея особѣ и беспокойнымъ своимъ
характеромъ, заносчивостью, стремлениемъ стать выше другихъ воз-
буждалъ противъ себя родныхъ и близкихъ къ Лукерѣ лицъ, а также
почетныхъ жителей села Горѣлаго, гдѣ помѣщался «Сиротскій домъ» и
постоянно проживали главари секты; другими словами, Петръ Вери-
гинъ возбудилъ противъ себя главныхъ заправиль секты. Но въ селе-
ніяхъ, отдѣленныхъ отъ Горѣлага, въ средѣ темной массы духоборцевъ,
воспитанныхъ на нелѣпыхъ преданіяхъ сверхъестественного могуще-
ства Калмыковыхъ, еще при жизни Лукеры, начали носиться слухи,
распускавшіеся какъ самимъ Веригинымъ, такъ и его многочисленною
роднею,—заставлявшіе призадуматься заправиль «Сиротскаго дома», что

этотъ статный молодой человѣкъ происхожденія не простаго, что онъ сынъ покойнаго Петра Калмыкова, плодъ посѣщенія инь, незадолго до смерти, семьи Веригиныхъ въ селеніи Славянкѣ; что это служило будто бы причиной особенной близости его къ Лукерѣ Васильевнѣ, державшей его при себѣ не какъ придворнаго, а какъ своего наследника, котораго она частыми бесѣдами и наставленіями приготавляла къ высокому удѣлу его рода, на радость и счастье всѣхъ «православныхъ». Духоборцы въ силу своего воспитанія и традицій секты не могли составить себѣ представленія о возможности обойтись безъ замѣстителя Лукерѣ Васильевны и «богочеловѣка» во главѣ секты, а потому все болѣе и болѣе принимали на вѣру слухи, лѣтившіе ихъ воображенію. Вслѣдствіе этого въ концѣ 1886 года въ сердцахъ большинства сектантовъ на столько укрѣпилось убѣженіе въ высокомъ, божественномъ предназначеніи Петра Веригина, что послѣдній получилъ полную возможность вскорѣ послѣ смерти Лукерѣ Васильевны выдвинуть свои притязанія на должность управляющаго «Сиротскими домами».

Встрѣтивъ большое сопротивленіе въ почетныхъ лицахъ села Горѣлаго, хорошо его знавшихъ, Веригинъ, чтобы сломить ихъ упорство и окончательно разсѣять могущія возникнуть сомнѣнія насчетъ правоты его дѣла, отправился на свою родину въ селеніе Славянку. Здѣсь при торжественной обстановкѣ, предъ всѣмъ народомъ, мать его, Анастасія, смиреніемъ заявила, что сына своего Петра родила не отъ мужа Василія Веригина, а отъ Петра Калмыкова, уdestoившаго ее, къ великой радости всей ея семьи, священнымъ вниманіемъ во время послѣдняго посѣщенія своего селенія Славянки; что великая тайна эта была известна Лукерѣ Васильевнѣ, которая ждала только возмужалости Петра, чтобы даже при жизни передать ему наслѣдіе его предковъ. Послѣ этого признания, какъ сама Анастасія, такъ и мужья повалились Петру въ ноги, а за ними повалился и народъ. Вслѣдъ за симъ было приступлено къ присягѣ на вѣрность Веригину и къ подписанію присяжныхъ листовъ. Такимъ образомъ была установлена преемственность и связь новаго избранника со священнымъ родомъ, почему новому главѣ и не представлялось необходимымъ доказывать свое божественное происхожденіе какими-либо чудесами, такъ какъ это признавалось присущимъ ему въ силу рожденія.

Вслѣдъ за жителями селенія Славянки, приблизительно семь десятыхъ всего духоборскаго населенія, въ трехъ губерніяхъ, присягнули Веригину, подписали присяжные листы (почему и приняли прозвище «писанныхъ») и съ непоколебимой вѣрой въ неногрѣшность своего избранника смѣло передали свою судьбу въ его руки. Но этотъ чудесный избранникъ уже не походилъ на своихъ предшественниковъ, появлявшихся въ иные времена, во времена гоненій и преслѣдований. Это не

быть раскольникъ съ инстинктами кротости голубя и осторожности змія. Это былъ балованный, самоувѣренный деревенскій парень, который въ наслѣдіи Савелія Капустина увидѣлъ лишь средство для удовлетворенія своихъ тщеславныхъ и разгульныхъ наклонностей. Окруживъ себя многочисленною свитой молодыхъ обожателей и обожательницъ, облекшись въ дорогую черкеску, какъ бы въ знакъ своего наслѣдственного верховнаго достоинства, Веригинъ явился въ Горѣлое и потребовалъ немедленнаго признания его управляющимъ «Сиротскимъ домомъ» и передачи ему общественнаго имущества, грозя въ противномъ случаѣ всѣмъ завладѣть силой и истребить послушниковъ. Но противъ такихъ требованій Веригинъ встрѣтился совершенно неожиданный и выходящій изъ традицій секты отпоръ. Извѣстный мѣстной администраціи Алексѣй Зубковъ, старшина горѣльского сельскаго общества, занимавшій эту должность 26 лѣтъ (еще со временемъ Петра Калязікова), донесъ ахалкалакскому уѣздному начальнику, что по слухамъ смерти Лукеріи Калмыковой и предстоящаго дѣлежа ея наслѣдства происходятъ беспорядки, угрожающіе общественной безопасности, почему и ходатайствовалъ о принятіи мѣръ для подворенія порядка въ сельскомъ обществѣ, а равно обеспеченія наслѣдства.

Такое первое въ теченіе полуѣвка обращеніе духоборцевъ къ содѣйствію администраціи по дѣламъ ихъ общины крайне всѣхъ удивило; въ средѣ же духоборцевъ, вѣрою оцѣнившихъ все значеніе этого событія для ихъ секты — вызвало возбужденіе и озлобленіе. «Родимый Зубковъ восхотѣлъ потоптать отчество и продать нась» — говорили они въ отчаяніи, и съ этого времени Алексѣй Зубковъ, пользовавшійся въ теченіе предшествовавшихъ 25 ти лѣтъ особымъ почетомъ и уваженіемъ среди духоборцевъ, бывшій именитымъ общественнымъ дѣятелемъ и состоявшій официальнымъ атаманомъ «Сиротскаго дома», представителемъ общества въ званіи безсмѣннаго старшаны — внезапно сдѣлался въ глазахъ большинства его единовѣрцевъ символомъ предательства и отступничества. Но означенный поступокъ Алексѣй Зубковъ сдѣлалъ, конечно, не отъ своего только лица, а имѣя единомышленниковъ, при чемъ, для подобной измѣны священнымъ традиціямъ секты имѣлись у него свои особыя основанія.

Селеніе Горѣлое пользовалось всегда особымъ значеніемъ среди духоборцевъ, ибо здѣсь, какъ выше упомянуто, находится ихъ священный «Сиротскій домъ», резиденція управляющаго; селеніе было своего рода духоборческая столица, духоборческій кремль, источникъ ихъ благополучія, символъ ихъ самостоятельности, ихъ отчизна; здѣсь же жили самыя почетныя семьи духоборцевъ; сюда наѣзжали на перепутьи и останавливались кавказскіе намѣстники, начальники губерній,

высшие военные и гражданские чины. Горыловцы многое видели, о многом ссыпали, имели крупные дела во многих пунктах Закавказья. Во время последней турецкой войны молодежь селения Горылого, находясь в действовавшем отряде, делила с русскими, братьями своими по племени и по языку, труды и опасности. Многие горыловцы лично были известны бывшему наместнику кавказскому, Великому Князю Михаилу Николаевичу и не раз удостаивались милостивого одобрения его императорского высочества за примирное отбывание государственных и земских повинностей; а равно с горыловским обществом чаще всего беседовали губернская и уездная власти, давая им различные советы и неизменно внося в им умы известную долю просвещения.

Вследствие благости к своему управлению и особому покровительству главарей секты, горыловцы были богаче, а вследствие более частых сношений с вышешим миром и представителями высшей и низшей административной власти — гораздо развитее духоборцев других местностей, а, главное, меньше фанатичны. В силу священных традиций секты они еще охотно подчинялись режиму «Сиротского дома», управлявшаго близкой им женщиной с громадным житейским тяготом, окруженной, в качествѣ советниковъ, лучшими ихъ представителями, умудренными годами и опытомъ, преданными завѣту отцовъ. Но умерла Лукерья Васильевна и прекратилась священная линия (династія); секта стала в критическое положение, а прежде чѣмъ успѣли опомниться и осмотрѣться заправили «Сиротского дома» — передъ ними явился узурпаторъ, молодой человѣкъ, хорошо имъ известный по своей нравственности и безпринципности, съ требованиемъ божескихъ почестей и безусловнаго себѣ подчиненія; человѣкъ, котораго незадолго передъ этимъ тотъ же Зубковъ грозилъ жестоко наказать за пьянство и распутство. Теперь передъ этимъ разгульнымъ мальчишкой тотъ же Зубковъ первый долженъ былъ пасть ницъ и передать ему, разгульному моту, общественное достояніе, а все остальные горыловцы вручить свою судьбу, и все это изъ-за того только, что кому-то пришло на умъ пустить слухъ, что Веригинъ сынъ Петра Калмыкова, а матери его заблагоразсудилось поддержать етотъ слухъ своимъ ложнымъ завѣренiemъ. Но несмотря однако на все это, можетъ быть, почетные горыловцы, дорожа интересами секты, и смирились бы и подчинились избранию большинства, если бы не чрезмѣрная заносчивость и безшабашный разгуль, проявленный Петромъ Веригинымъ на первыхъ же порахъ, подъ упомиенiemъ неожиданно выпавшаго на его долю успѣха, каковое поведеніе узурпатора заставило ихъ трепетать за судьбу не только ихъ самихъ, но и всего, что имъ дорого, и даже за цѣлостность всей общины.

Подъ влияниемъ такихъ обстоятельствъ горыловцы отказались присягнуть Веригину и такимъ образомъ въ духоборческой сектѣ про-

изошелъ расколъ. Образовалось двѣ партіи: партія большинства, состоящая приблизительно изъ 700 семействъ съ Веригинымъ во главѣ, подъ названіемъ «большой партіи», и вторая партія, въ насмѣшку прозванная самими сектантами «правительственю» или «меньшая», насчитывающая въ трехъ губерніяхъ не многимъ болѣе 200 семействъ.

Съ раздѣленіемъ на партіи прежде существовавшій между духоборцами мѣръ и братское согласіе не только были нарушены, но между партіями возгорѣлась даже страшная ненависть, и благодаря Веригину, привозившему себя открыто «пророкомъ» и «царемъ-царей», въ духоборы Ахалкалакскаго уѣзда постоянно стали происходить беспорядки, потребовавши со стороны администраціи принятія искаженныхъ репрессивныхъ мѣръ въ родѣ назначенія правительстенныхъ старшинъ и т. п. и, наконецъ, высылки изъ края самого Веригина. Эти мѣры хотя и побуждали предъять открыто проявленію беспорядковъ, однако искаженно не внесли мира и спокойствія въ среду сектантовъ; напротивъ, возникшія несогласія между партіями все усиливались. Высылка Веригина привела его приверженцевъ въ совершенное изступленіе, пробудивъ ихъ заснувшій фанатизмъ. Будучи крайне не развиты и возмечтавъ о себѣ по бывшимъ примѣрамъ отишений къ книѣ правительства, члены большой партіи были убѣждены, что власти никогда не коснутся такой священной для нихъ особы, какъ Веригинъ, а постѣгшую его кару они относили не къ беспорядочному поведенію ихъ избранника, не къ ослушанію имъ мѣстныхъ властей, а исключительно къ проискамъ Зубкова, Губановыхъ и другихъ духоборцевъ малой партіи, почему на послѣднихъ и стали вымѣщать свою злобу. Прежде всего большая партія отстранила малую отъ общаго моленія, а представители ея перестали кланяться противникамъ, что составляло всегда одинъ изъ священныхъ обычаевъ секты. Затѣмъ та же большая партія запретила малой пасти совмѣстно съ нею свои стада; она же настояла, чтобы мужья, жены комкъ не желаютъ признать Веригина, изгнали послѣднихъ изъ своихъ домовъ; равнымъ образомъ женъ послѣдовательницъ Веригина принудила бросить своихъ мужей изъ противнаго лагеря; наконецъ малой партіи запрещалось хоронить своихъ покойниковъ на общественномъ кладбищѣ.

При такихъ отношеніяхъ между членами одного и того же сельскаго общества дальнѣйшая однообщественность дѣлалась невозможной и теряла смыслъ.

М. Тебеньковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДУХОБОРЦЫ, ИХЪ УЧЕНИЕ, ОРГАНИЗАЦІЯ и НАСТОЯЩЕЕ ПОЛОЖЕНІЕ ¹⁾.

И

ъ 1888 году, спустя годъ послѣ высылки Веригина, враждующія партіи, искажая нѣсколько умышленно объясненіе существа своего ученія и смысла прежніхъ событій, сводили свои жалобы и требованія къ слѣдующему: первая или малая партія съ Зубковымъ во главѣ, не пускансъ въ откровенность на счетъ прошлаго секты, съ обычными пріемами смиревія и покорности, заявила, что была-де у нихъ управлявшая «Сиротскимъ домомъ» Лукерья Калмыкова, женщина смирная и занимавшаяся благотворительными дѣлами, за что и пользовалась всеобщимъ уваженіемъ; послѣ ея кончины значительная часть духоборцевъ избрала на ея мѣсто нѣкоего Веригина, жителя другой губерніи, присягнула ему и, пользуясь на всѣхъ общественныхъ сходкахъ подавляющімъ большинствомъ голосовъ, хотѣла заставить и ихъ признать не указанную въ законахъ власть этого Веригина, именуя его «пророкомъ» и «царемъ»; между тѣмъ они, духоборцы малой партіи, желаютъ пребывать вѣрою подданными его императорскаго величества всемилостивѣйшаго нашего государя и пользоваться покровительствомъ государственныхъ законовъ, почему и ходатайствуютъ о защите ихъ личности и имущества отъ насилий приверженцевъ Веригина.

Совсѣмъ иначе держали себя и говорили духоборцы второй или большой партіи. Сохраняя, какъ и прежде, нѣкоторый вѣнчайший видъуваженія къ власти, снимая шапки и низко кланяясь, они, тѣмъ не менѣе, высказывали крайнее раздраженіе и ожесточеніе противъ прави-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ 1896 г. августъ

тельства и его органовъ за высылку Веригина, котораго власти, по ихъ мнѣнію, основанному на отношеніи къ нимъ правительства въ предшествовавшіе годы,—не въ правѣ были касаться, что бы онъ ни дѣлалъ. Общее содержаніе ихъ постоянныхъ официальныхъ заявлений сводилось къ слѣдующему: «мы жили себѣ смироно, но вотъ Зубковъ, Губановы и другіе духоборцы малой партіи отняли у насъ «Сиротскій домъ», захватили наши общественные капиталы, пустили насъ по-міру, а избраннаго нами управляющаго «Сиротскимъ домомъ» сослали; этими поступками ихъ мы лишились «отечества», безъ которого никакъ не можемъ жить: «да благоволено будетъ усмирить горѣловцевъ, возвратить намъ отечество и успоконить насъ».—Такимъ образомъ сущность этой просьбы, постоянно повторяемой, заключалась въ возвратъ «отечества» или «Сиротского дома».

Лица, не ознакомившіяся близко съ духоборческою сектою, въ томъ числѣ и многіе служащіе, не понимая истиннаго значенія этихъ ходатайствъ и принимая ихъ въ прямомъ смыслѣ, полагали, а нѣкоторые и теперь полагаютъ, что дѣло идетъ о тѣхъ скромныхъ деревянныхъ постройкахъ въ селеніи Горѣломъ, которая занимала Лукерья Калмыкова, и о тѣхъ нѣсколькоихъ тысячахъ рублей денегъ, которая по судебному рѣшенію достались Михаилу Губанову по наслѣдству отъ сестры его Лукеры. На дѣлѣ же дальнѣйшія объясненія администраціи съ духоборцами выяснили, что,—ходатайствуя о возвращеніи имъ «отечества» или «Сиротского дома» и о томъ, чтобы уняли малую партію, большая партія тѣмъ самымъ требовала отъ правительства возобновленія всего учрежденія съ управляющимъ «Сиротскимъ домомъ» т. е. 1) чтобы Веригинъ былъ возвращенъ изъ ссылки; 2) чтобы администрація убѣжденіемъ или силой заставила духоборцевъ малой партіи присягнуть на вѣрность Веригину, какъ законному избраннику, или чтобы въ случаѣ сопротивленія они были навсегда выселены изъ края; 3) чтобы въ первомъ случаѣ зданія «Сиротского дома» и оставшіеся послѣ Лукеры Калмыковой капиталы были переданы Веригину, какъ общественное ихъ имущество, дорогое имъ не столько по цѣнности своей, сколько по воспоминаніямъ; въ случаѣ же выселенія малой партіи они отказывались отъ зданій и капиталовъ, такъ какъ намѣрены были построить новый «Сиротскій домъ» и собрать новые капиталы, и 4) съ установлениемъ въ Закавказіи духоборской общины на прежніихъ основаніяхъ, мѣстная власти должны оставить ихъ въ покое, какъ это было при жизни Лукеры Калмыковой, не вмѣшиваться въ ихъ дѣла и довольствоватьсь усерднымъ отбываніемъ ими податей и повинностей. Если же,—прибавляли они,—всѣ эти просьбы не могутъ быть и не будутъ уважены, то пусть имъ разрѣшать переселиться изъ Ахалкалакскаго уѣзда и устроиться по-своему въ другомъ мѣстѣ. Конечно, подобная

требованія удовлетворены быть не могли, а вслѣдствіе этого члены большої партіи дѣлались все раздражительнѣ и все назойливѣ въ своихъ заявленіяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ все, касающееся внутренней жизни, веригинцы стремились сохранять въ глубочайшей тайнѣ, какъ отъ мѣстныхъ властей, такъ равно и отъ ненавистныхъ имъ духоборцевъ малой партіи. Между тѣмъ стало извѣстнымъ, что они часто сносились съ Веригинымъ, получали отъ него указанія, посыпали большія суммы денегъ на его содержаніе и въ своихъ заявленіяхъ были руководимы его наѣстниками—«временными управляющими Сиротскаго дома». Подобныя сношенія побудили администрацію ходатайствовать объ усиленіи полицейскаго надзора за Веригинымъ въ мѣстѣ его ссылки.

Рядомъ съ этимъ всѣмъ бросалось въ глаза, что члены большої партіи не ведутъ болѣе той образцово-трудовой жизни, которую таъ отличались въ прежнія времена до 1887 года, что они постоянно собираются на сходки и совѣщаются со своими единомышленниками Елизаветпольской губерніи и Карсской области и что вообще искусственно поддерживаютъ чрезвычайное возбужденіе въ своей средѣ.

По прошествіи лѣта четырехъ со времени раскола у духоборцевъ, отношенія между партіями до того обострились, что было возбуждено ходатайство о распределеніи горѣловскаго сельскаго общества на два общества: собственно горѣловское, гдѣ могли бы возвориться всѣ духоборцы малой партіи, и спасское (изъ селеній Спасскаго, Орловки, Богдановки, Ефремовки, Тамбовки, Родоновки и Троицкаго) для духоборцевъ большой партіи. При этомъ послѣдніе заявляли съ увѣренностью, что такое раздѣленіе положить конецъ напряженному состоянію, въ какомъ они пребываютъ, живя совмѣстно съ ненавистными «халдеями», т. е. представителями малой партіи.

Осуществленіе такого раздѣленія представляло весьма много затрудненій, но благодаря энергичнымъ усилиямъ обѣихъ партій оно состоялось въ началѣ 1893 года.

Но и послѣ означеннаго события духоборцы новаго спасскаго общества, воинственные лицами, приходившими со свиданіемъ съ Веригинымъ, не находили себѣ покоя и не давали его другимъ. Всѣ убѣжденія и увѣщанія мѣстныхъ административныхъ властей оставались безъ результата. Было ясно, что они твердо рѣшились слушаться лишь однихъ своихъ тайныхъ наставниковъ, исполняющихъ указанія Веригина и предсѣдующихъ свои личныя непонятныя для постороннихъ цѣли. При такомъ настроеніи духоборцевъ никто изъ постороннихъ не могъ заручиться ихъ довѣріемъ, не могъ пріобрѣсти на нихъ влиянія, и стало очевиднымъ, что дальнѣйшая ихъ судьба будетъ зависеть отъ того образа дѣйствій, какой они сами заблагоразсудятъ избрать. Кромѣ того, обращало на себя вниманіе, что въ послѣдніе два года къ своимъ постоян-

нымъ просьбамъ о возстановлениі «отечества» они стали прибавлять угрозы, которая въ устахъ духоборцевъ, людей хотя темныхъ, но крѣпкихъ духомъ и легко поддающихся фанатизму, заставляли чего-то опасаться: «Поймите,— говорили они,— мы безъ отечества жить не можемъ. Что бы вы ни дѣлали— мы не успокоимся, не отстанемъ отъ правительства и никому не дадимъ покоя. Пусть лучше насть всѣхъ перебьютъ. Хотите не хотите, а вамъ придется стрѣлять въ насть». По временамъ, казалось, они даже искали случая вызвать мѣстныя власти на болѣе рѣшительный относительно ихъ образъ дѣйствій; такъ, то въ одномъ селеніи, то въ другомъ, они вдругъ, ни съ того ни съ сего, отказывались платить подати или отбывать тѣ или другія повинности, и приходилось прибѣгать къ татарской разѣздной командѣ для возвращенія порядка. Тѣмъ временемъ среди нихъ носились неѣные слухи, о величественной, полной чудес жизни Веригина у Бѣлого моря, слухи, поддерживаемые его агентами и волновавшіе его невѣжественныхъ приверженцевъ. Кто-то изт. возвратившихся отъ Веригина духоборцевъ, рассказывалъ, что видѣлъ его воасѣдающимъ на престолѣ съ сяніемъ вокругъ головы, имѣя по правую руку русскаго посла, а по лѣвую китайскаго; другой повѣствовалъ, что самъ видѣлъ толпу чертей, вызванныхъ Веригинымъ изъ преисподней и предназначавшихся для истребленія горѣловцевъ. При различныхъ торжественныхъ случаяхъ жизни государства, распускались слухи и возбуждались ожиданія о необычайно пышномъ и величавомъ возвращеніи Веригина, на бѣломъ конѣ, на слонѣ и т. п. Словомъ, духоборское населеніе жило первою болѣзненною жизнью, постоянно находилось въ возбужденіи и въ ожиданіи какихъ-то невѣдомыхъ событий.

Послѣднее, передъ настоящими событиями, анти-административное движение духоборцевъ большой партіи было проявлено по вопросу о сельско-хозяйственныхъ капиталахъ. Духоборцы, наравнѣ съ остальнымъ населеніемъ губерніи, были призваны къ составленію сельско-хозяйственныхъ капиталовъ: эту ничтожную для себя повинность они отбывали аккуратно до 1893 года, когда послѣдовало раздѣленіе ихъ на два сельскихъ общества. Веригинъ, освѣдомившись о существованіи подобного налога и образованіи общественныхъ капиталовъ, усмотрѣлъ въ этомъ вмѣшательство администраціи во внутренняя дѣла духоборцевъ, нарушеніе его верховныхъ правъ, а главное—стремленіе уничижить этимъ путемъ существованіе «Сиротскаго дома», почему воспрептилъ своимъ приверженцамъ продавать хлѣбъ и вносить деньги въ отдѣленіе банка. Едва такое распоряженіе Веригина достигло до мѣста, какъ тотчасъ же потянулись къ начальству съ письменными и словесными заявленіями и общественными приговорами депутаты спасскаго общества о томъ, что вѣра ихъ положительно воспрещаетъ имъ допу-

скать правительственный надзоръ въ дѣлахъ по храненію ихъ общественныхъ суммъ, какого бы наименованія онѣ ни были. Когда же имъ указывалось на примѣръ горѣловцевъ, то они отвѣчали, съ обычною дерзостью: «Ну, горѣловцы совсѣмъ другое, они на всякое дѣло способны; а мы скорѣе предпочтемъ погибнуть, чѣмъ согласиться на что-либо, противное нашей совѣсти».

Съ означенными дѣломъ духоборцы надѣдали мѣстной администрації въ теченіе цѣлаго года, со свойственную имъ назойливостью и, въ виду неуступчивости правительственныхъ лицъ, отказались, наконецъ, отбывать эту повинность съ такою рѣшамостью и съ такимъ упорствомъ, что вынудили, вслѣдствіе неутвержденія въ законодательномъ порядкѣ проекта о сельско-хозяйственныхъ капиталахъ, испросить разрѣшенія о возвращеніи принадлежащихъ имъ денегъ и исключеніи спасскаго сельскаго общества изъ числа обществъ въ губерніи, имѣющихъ сельско-хозяйственные капиталы.

Возвращеніе сельско-хозяйственныхъ капиталовъ духоборцы громко праздновали, какъ истинную победу надъ правительствомъ и даже, измѣнивъ полузвѣковой традиціи, приступили къ открытой пропагандѣ среди окрестнаго туземнаго населенія: «Вотъ поступайте какъ мы,—говорили они,—тогда и васъ будуть бояться; сначала было, губернаторъ и руками и ногами, а потомъ сдался; видѣть ничего съ нами не подѣлаешь, а все почему?—стоимъ всѣ за-одно, всѣ какъ одинъ человѣкъ».

Съ осени прошедшаго года въ средѣ спасскаго сельскаго общества или большой партіи начало вновь замѣтаться чрезвычайное броженіе: участились сходки, шли тайныя совѣщенія съ духоборцами другихъ губерній и было замѣтно, что у нихъ происходятъ какіе-то внутренніе споры и несогласія. Какъ выяснилось впослѣдствіи броженіе это закончилось тѣмъ, что къ началу 1895 года духоборцы спасскаго общества въ свою очередь распались на два лагера: болѣе половины изъ нихъ, въ числѣ четырехсотъ слишкомъ семействъ, провозгласили себя партіей «постниковъ» или «блыхъ» т. е. людей цѣстомъ и молитвой обѣленныхъ передъ Богомъ; остальные же, около 300 семействъ, остались при прежнемъ вѣрованія, причемъ послѣдніе тогда же обратились чрезъ уѣзднаго начальника къ губернатору съ заявлѣніемъ, что среди нихъ образовалась указанная третья партія «постниковъ», усвоившая себѣ иѣкоторыя новыя не раздѣляемыя ими убѣжденія, и просили губернатора не смѣщивать ихъ съ означенными «постниками» и не привлекать къ ответственности за дѣянія приверженцевъ новой партіи. При просьбѣ были представлены депутатами списка всѣхъ ихъ довѣрителей, обѣщающихъ сохранять полный порядокъ и подчиняться требованіямъ начальства.

Обращеніе къ начальству съ такою странною для приверженцевъ

Веригина просьбою было крайне необычно и невольно заставляло предполагать о какихъ-то новыхъ, необыкновенныхъ затѣяхъ третьей партии.— Несмотря однако же на искательство у администраціи защиты отъ какой-то опасности, прибывшіе депутаты остались върины присущему духоборцамъ лукавству и отзывались совершеннымъ невѣдѣніемъ того, что произошло и происходит среди «постниковъ». Такимъ образомъ, приходилось только догадываться о предстоящихъ событіяхъ и зорко наблюдать.

Всльдъ за указаннымъ заявленіемъ, въ средѣ третьей партіи было замѣтно большое волненіе и лихорадочная дѣятельность. «Постники» начали выбирать свои вклады изъ Ахалкалакской кассы банка, и деньги дѣлить поровну между собою; вмѣстѣ съ тѣмъ они распродавали спѣшино, по дешевой цѣнѣ, свое имущество и скотъ, приводили въ порядокъ фургоны, покупали бурки, запасались оружиемъ и, повидимому, дѣятельно готовились къ выступленію куда-то въ далѣй путь. Въ духовной ихъ жизни замѣчались также иѣкоторые перемѣны, а именно: они чаше стали сходиться на общественные моленія, перестали єсть все мясное и во многомъ измѣнили свой образъ жизни. Не представлялось возможности точно узнать, что происходило среди нихъ и каковы были ихъ намѣренія, такъ какъ они держали это въ тайнѣ, но судя по тому, что они сами о себѣ рассказывали, можно было вывести заключеніе, что, по примѣру Веригина и по его указанію, они будто бы видоизмѣнили вѣру и, согласно новаго ученія, считаются за грѣхъ єсть мясо, а также воздерживаются отъ сношеній съ женами, дабы со смертью ихъ естественно прекратился ихъ родъ. Они утверждали, что носять Царствіе Божіе въ самихъ себѣ и поэтому не могутъ признавать существующихъ властей, поставленныхъ отъ людей и являющихся представителями неправды и нечестія; что въ силу этого, а главное по причинѣ сосѣдства съ горѣловцами, не могутъ оставаться на своихъ мѣстахъ, а навсегда покидаютъ этотъ край.

Весною 1895 года «постники» изобрѣли еще одну новую форму протеста: они порѣшили отказаться отъ отбыванія воинской повинности, которую въ теченіе шести лѣтъ, со временеми введенія ея въ Закавказіи, несли безропотно и даже хорошо. Въ исполненіе послѣдняго рѣшенія родители приказали дѣтямъ своимъ, служившимъ въ рядахъ кавказскихъ войскъ, немедленно сдать оружіе подлежащему начальству съ объявленіемъ объ отказѣ продолжать службу; такое распоряженіе старшихъ было въ точности исполнено солдатами, тогда же преданными за это суду, а духоборцы изъ той же партіи, проживавшіе дома, въ тѣхъ же видахъ должны были возвратить начальству свои запасные билеты и ополченскія свидѣтельства.

Наконецъ, въ двадцатыхъ числахъ іюня тифлисскій губернаторъ по-

лучиль отъ ахалкалакскаго уѣзднаго начальника донесеніе по телеграфу о томъ, что духоборцы спасскаго общества намѣреваются 29-го іюна поголовно напасть на Горѣлое и уничтожить таѣ называемый «Сиротскій домъ». Уведомля объ этомъ, уѣздный начальникъ въ виду численнаго перевѣса на сторонѣ «постниковъ» и ихъ сильнаго фанатизма, а также для пресѣченія могущихъ возникнуть беспорядковъ — просилъ о присылкѣ въ уѣздъ трехъ ротъ пѣхоты и трехъ сотенъ казаковъ. Тотъ-часъ по полученіи этого уведомленія губернаторъ немедленно лично выѣхалъ въ Ахалкалакскій уѣздъ, и тутъ же на мѣстѣ уѣздный начальникъ доложилъ ему о событияхъ, вызвавшихъ его ходатайство о принятіи столь экстраординарныхъ мѣръ. Оказалось, что составленный «постниками» планъ дѣйствій, который они усиливались держать въ тайнѣ, состоялъ въ слѣдующемъ: не желая болѣе жить въ тѣхъ условіяхъ, въ коихъ пребывали на своей территории, они рѣшились покинуть Ахалкалакскій уѣздъ; передъ уходомъ они желали достойно отпраздновать имянину Петра Веригина такимъ дѣломъ, которое доставило бы ему наиболѣе удовольствія. Для этого рѣшено было: 29-го іюня внезапно напасть на Горѣлое, сжечь «Сиротскій домъ» и истребить приверженцевъ Зубкова и Губановыхъ. При этомъ «постники» въ ожиданіи этого дня рѣшительно отказались отъ всякихъ сношеній съ властями и повиновѣнія имъ, почему еще наканунѣ отказались выставить лошадей для проѣзда губернатора, заявивъ, что не желаютъ входить съ нимъ въ какія бы то ни было объясненія.

По прибытіи въ городъ Ахалкалаки начальникъ губерніи засталъ тамъ представителей духоборцевъ первой и второй партіи, туда же мѣрами полиції были доставлены 24 человѣка руководителей третьей партіи. Горѣловцы встрѣтили представителя власти съ видимою радостью, приглашали поспѣшить къ нимъ на помощь и заявляли, что хотя они и рѣшились твердо защищаться до послѣднаго человѣка, но что опасаются численнаго превосходства «постниковъ». Они получили приказаніе поспѣшить возвращеніемъ въ Горѣлое, куда по полученнымъ свѣдѣніямъ уже подходили экстренно вызванный изъ Александрополя войска и куда губернаторъ самъ долженъ былъ прибыть на слѣдующій день.

Затѣмъ представлены были депутаты второй партіи, во главѣ которыхъ находился Воробьевъ, одинъ изъ намѣстниковъ Веригина. Они низко кланялись, умоляли не смѣшивать ихъ съ «постниками», не дѣлать ответственными за преступныя дѣянія сихъ послѣднихъ, напоминали о предшествовавшихъ заявленіяхъ своихъ въ этомъ духѣ и просили пощады для себя и для своихъ семей. Чтобы болѣе оттѣнить до чего члены второй партіи далеки отъ солидарности съ «постниками», представившіеся депутаты требовали поголовной казни этихъ отщепенцевъ, какъ разбойниковъ, недостойныхъ жить и т. п. О себѣ же и о своихъ едино-

мышленникахъ представители заявляли, что готовы во всемъ повиноваться властямъ, исполнять всѣ требования закона и какъ доказательство своей покорности приводили, между прочимъ, что солдаты ихъ партии остались вѣрными своему долгу и впредь будутъ служить образцово.

Несмотря однако на такое необычное съ ихъ стороны выраженіе похвальныхъ чувствъ, губернаторъ счелъ полезнымъ принять ихъ заявленія сухо; указалъ имъ, что настоящее безумное поведеніе «постниковъ» является результатомъ того беспокойного состоянія, въ какомъ они сообща пребывали въ продолженіе восьми лѣтъ, и что «постники» только высказали теперь, въ неприличной формѣ и съ непрошеніемъ откровенностью, то, что кроется въ душѣ каждого послѣдователя Веригина. А такъ какъ подобный порядокъ не можетъ продолжаться, то губернаторъ и общалъ просить начальство водворить разъ навсегда спокойствіе среди духоворцевъ. Въ заключеніе, онъ объявилъ имъ, что въ свое время они узнаютъ о распоряженіяхъ касательно ихъ; до того же совѣтовать вести себя добродорядочно и оказывать всякое содѣйствіе чинамъ полиціи, пригрозивъ въ противномъ случаѣ тяжелыми послѣдствіями.

Наконецъ наступило время объясненія съ представителями третьей партии. Появились 24 вожака партии «постниковъ», обратившіе на себя особенное вниманіе полиціи мятежной пропагандой и доставленные въ городъ мѣрами полиції, а по ихъ выраженію «взятые въ пленъ». Вошли они безъ поклона, безъ привѣтствія, съ презрительной улыбкой на устахъ и съ дерзкимъ видомъ, какъ бы выражавшимъ недоумѣніе—гдѣ они и кого передъ собой видѣть. Какъ бы не обращая никакого вниманія на губернатора, будто говоря съ кѣмъ-то другимъ, повели они бесѣду приблизительно слѣдующаго содержанія: «Мы—православные христіане, управляемые самими Богомъ; чувствуя присутствіе въ нась самихъ Царствія Божія, мы не можемъ признавать надъ собою властей языческихъ, погрязшихъ въ неправдѣ, обманѣ и безчестіи; мы не можемъ жить, какъ живутъ русскіе подданные; не можемъ подчиняться законамъ, потому что у нась свой законъ, своя вѣра; наша вѣра возбраняетъ намъ нести какую бы то ни было правительственную службу, но если бы правительство пожелало, мы могли бы войти съ нимъ въ соглашеніе касательно податей, такъ какъ вѣра наша не препятствуетъ намъ платить подати; между тѣмъ этимъ не довольствуются и нась хотятъ заставить дѣлать то, что противно нашей совѣсти, какъ-то: присягать земному царю, выставлять новобрачцевъ, исполнять распоряженія мѣстныхъ властей и т. п. Мы знаемъ, (что) дѣйствительно Христосъ сказалъ: воздайте кесарю кесарево; но знаемъ также истинное значеніе этихъ словъ; это совсѣмъ не то, въ чемъ нась хотѣть убѣдить. Горѣловцы никакъ не могутъ идти намъ въ примѣръ. Мы никогда не оставимъ путь въ покое, да и они тоже не дадутъ намъ покоя, потому что мы ихъ

видѣть даже не можемъ и не переносимъ сосѣдства съ ними. У насъ отняли все, что намъ дорого, а съ такимъ положенiemъ вещей мы никогда не примиримся. Мы счастливы, что настало время, когда правительство нашлось вынужденнымъ окончательно разѣваться съ нами».

Губернаторъ напомнилъ имъ, что они сами въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ говорили и какія обѣщанія и при какихъ обстоятельствахъ давали; на это некоторые изъ нихъ грубо отвѣчали: «это неправда; мы никогда этого не говорили; у насъ и въ помыслахъ этого не было»; другіе же выражались такъ: «ну что-жъ — что говорили, мало ли что говорили прежде; прежде смотрѣли такъ, теперь смотримъ иначе». Въ заключеніе губернаторъ передалъ имъ неудовольствіе высшаго начальства и предупредилъ, что они могутъ подвергнуться тяжелымъ наказаніямъ. На это они разсмѣялись и возразили: «мы смеемся надъ вашими наказаніями; всѣ эти тюремныя заключенія, ссылки — все это очень старо и намъ не въ диковину; такими пустяками насъ не напугаете». Такимъ образомъ дальнѣйшая бесѣда дѣялась невозможной, и губернаторъ приказалъ ихъ вывести, задержавъ на время самаго младшаго изъ нихъ, лично извѣстнаго ему и часто бывавшаго въ Тифлісѣ. Очутившись одинъ передъ губернаторомъ, этотъ духоборецъ видимо смущился, и когда губернаторъ сталъ стыдить его и доказывать всю нелогичность ихъ поступковъ — отвернувшись и избѣгая смотрѣть въ глаза, какъ бы нехотя отвѣчать: «кто теперь гоняется за тѣмъ, что умно и что полезно; тутъ и рѣчи быть не можетъ о стыдѣ, а слѣдуетъ за своей судьбой и идти на смерть. Вы видите все перепуталось и перемѣшалось; сами не понимаемъ — какъ все это произошло. Тутъ ничего не подѣлаешь; пусть каждый идетъ своей дорогой».

На другой день губернаторъ отправился черезъ Богдановку и Орловку въ Горѣлое. Въ Богдановкѣ уже стояли казаки, прибывшіе наканунѣ изъ Ардагана.

При вѣзда въ Горѣлое все населеніе вышло къ начальнику губерніи навстрѣчу съ шумными возгласами радости и благодарности за спасеніе отъ угрожавшей опасности. Женщины плакали, пѣли псалмы и всѣ низко кланялись и выражали, что они твердо вѣровали, что правительство не отдастъ ихъ на истребленіе. Мужчины утверждали, что не только они, но даже бабы и дѣти приняли рѣшеніе скорѣе погибнуть защищаясь, чѣмъ преклониться передъ врагами. У самаго селенія уже стояли лагеремъ три роты Бакинскаго пѣхотнаго полка, къ которымъ горѣловцы относились безъ различія чиновъ съ особеннымъ умиленіемъ, видя въ нихъ своихъ избавителей и защитниковъ, и ничего не жалѣли, дабы облегчить войскамъ пребываніе среди нихъ.

Изъ «постниковъ» въ этотъ день на пути губернатора ни одного не попадалось ни въ Богдановкѣ, ни въ Орловкѣ, точно также ни одного

изъ нихъ не явилось и въ Горѣлое. Тѣмъ не менѣе губернаторъ, несмотря на формальный отказъ ихъ входить съ нимъ въ какія бы то ни было объясненія, находилъ нужнымъ еще разъ переговорить съ ними, дабы узнать, что они намѣрены далѣе дѣлать, для чего и приказалъ со-звать ихъ на другой день на общую сходку въ селеніе Богдановку. Между тѣмъ въ теченіе всего дня получались извѣстія о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ «постниковъ», изъ каковыхъ свѣдѣній усматривалось, что совершенно неожиданное для всѣхъ появленіе войскъ произвело на нихъ весьма сильное впечатлѣніе, и что они въ громадномъ числѣ собрались у одной пещеры въ трехъ верстахъ отъ селенія Орловки, съ тѣмъ чтобы отпраздновать день имянинъ Веригина и обсудить сообща вопросъ—что имъ теперь далѣе дѣлать. Пріѣзжавшіе изъ Орловки духоборцы другихъ партій рассказывали, что «постники» принимали какое-то отчаянное решеніе, которое должно всѣхъ удивить. «Не разсчитывайте на войска,—кричали они встрѣчавшимися имъ горѣловцамъ,—мы ихъ не боимся; покажемъ себя, всѣхъ удивимъ». Доходили также слухи о томъ, что «постники», несмотря на присутствіе войскъ, рѣшили напасть на Горѣлое, вызвать войска на дѣйствіе оружіемъ, и такимъ образомъ съ боемъ отступить въ предѣлы Турціи въ надеждѣ, что, быть можетъ, туда же къ нимъ правительство отпустить и Веригина, благодаря чему они оснуютъ свою общину въ новомъ мѣстѣ. Въ виду всѣхъ этихъ слуховъ, для предупрежденія могущихъ быть беспорядковъ, съ вечера у всѣхъ выходовъ изъ селенія Горѣлаго были поставлены значительные караулы, а по селенію ходили патрули. Сами горѣловцы бодрствовали всю ночь. На разсвѣтѣ къ селенію подѣхало нѣсколько десятковъ фургоновъ «постниковъ», но послѣ первого оклика быстро удалились по направлению къ Орловкѣ.

На другой день утромъ, къ часу, назначенному для сбора «постниковъ» и переговоровъ съ ними, явился къ губернатору старшина спас-скаго общества и доложилъ, что «постники» рѣшительно отказались видѣться съ губернаторомъ и отправились опять къ той пещерѣ, где были и наканунѣ.

Въ часъ дня губернаторъ выѣхалъ изъ Горѣлаго и направился въ селеніе Богдановку. При вѣзѣ въ это селеніе ему встрѣтилось множество фургоновъ съ духоборцами и духоборками третьей партіи; оказалось, что казаки, окруживъ ихъ въ томъ мѣстѣ, где они собирались на сходку, гнали ихъ въ селеніе, где назначено имъ было мѣсто сбора. При приближеніи начальника губерніи казаки отдѣлили въ одну кучку тысячу толпу духоборцевъ, съ трудомъ отогнавши въ сторону женщинъ, объявившихъ, что они хотятъ находиться вмѣстѣ съ мужчи-

нами. Губернаторъ пробовалъ заговорить съ ними, но тщетно¹⁾; при первыхъ же его словахъ въ толпѣ раздались крики; «не снимайте шапокъ, не смотрите на него, не говорите съ нимъ». Казаки и всадники земской стражи были крайне возмущены и раздражены поведеніемъ этой нафанатизированной толпы, — но губернаторъ счелъ нужнымъ удержать ихъ отъ всякихъ насилий и продолжалъ свой путь. Вѣхавъ въ самое селеніе онъ нашелъ здѣсь также толпу «постниковъ», собственно жителей этого селенія, которыхъ казаки заранѣе поставили всѣхъ вмѣстѣ и заставили снять шапки. Подойдя къ нимъ губернаторъ заговорилъ, но они тотчасъ же шумно стали перебивать его и мѣшали ему продолжать. Замолчали они только тогда, когда онъ имъ пригрозилъ, въ случаѣ если они не перестанутъ шумѣть, тутъ же прибѣгнуть къ силѣ. По возвращеніи тишины губернаторъ объявилъ имъ, что въ виду ихъ поведенія никакой бесѣды съ ними быть не можетъ и что убѣждать ихъ въ чёмъ бы то ни было онъ не намѣренъ, но что, въ виду присутствія войскъ, пришедшихъ водворить силою оружія порядокъ среди духоборцевъ,—онъ считаетъ своимъ нравственнымъ долгомъ спросить ихъ отъ лица высшаго начальства въ краѣ,—признаютъ ли они себя русскими подданными и намѣреваются ли подчиняться требованіямъ государственныхъ законовъ; при этомъ просилъ ихъ уяснить себѣ хорошо этотъ вопросъ и обсудивъ отвѣтить. Едва лишь губернаторъ замолѣтъ, какъ со всѣхъ сторонъ раздались ожесточенные крики: «нѣтъ не признаемъ себя русскими подданными, не подчинимся законамъ, никогда не подчинимся неправдѣ, скорѣй всѣ умремъ».

Видя невозможность и неумѣстность дальнѣйшихъ переговоровъ съ фанатиками, губернаторъ отошелъ отъ ихъ группы, отправился къ духоборцамъ второй партии, собравшимся также въ одну кучку и стоявшимъ не вдалекѣ. Въ это время нѣсколько десятковъ отдѣльныхъ личностей изъ «постниковъ» выдѣлились изъ массы и, держа какія то бумаги въ рукахъ, стремительно бросились къ губернатору и съ криками—«ей, господинъ, возьми твои билеты» стали бросать эти билеты²⁾ на землю и топтать ихъ ногами, съ присовокупленіемъ различныхъ непристойныхъ восклицаній. Только напоромъ лошадей казакамъ и всадникамъ земской стражи удалось отѣснить ихъ къ мѣсту, где стояли ихъ единомышленники, вогнать обратно въ толпу и водворить относительный порядокъ, какъ вдругъ совершенно неожиданно произошло новое событіе: нѣсколько рукъ изъ толпы «постниковъ» поднялось кверху, видимо указы-

¹⁾ Они не хотѣли привѣтствовать губернатора, не снимали шапокъ, стропли гримасы и отворачивались.

²⁾ Это были запасные нижніе чины съ запасными и ополченскими свидѣтельствами.

вая на что-то происходящее на небѣ; потому же направленію устремились всѣ взоры остальныхъ—и вдругъ всѣ «постники» пали ниць, потомъ встали на колѣни и, кладя земные поклоны, привались громко благодарить Господа за ниспославшую помощь. Въ дальнѣйшемъ разяснилось, что «постники» увидѣли на одномъ проносившемся по небу облакѣ пылающаго Петра Веригина, который закричалъ имъ: «стойте крѣпко и ничего не бойтесь». Въ такомъ появлениіи обожаемаго ими повелителя «постники» признали особую милость для себя и указаніе на правоту ихъ дѣла. Ясно, что экзальтациія и фанатизмъ достигли высшаго предѣла, при каковыхъ условіяхъ ни убѣжденіе, ни даже сила не могли оказывать на этихъ людей никакого существеннаго вліянія; приходилось искаль дру-гія мѣры.

Выѣстъ съ тѣмъ всѣ изложенные событія невольно заставляли опасаться, чтобы «постники», претерпѣвъ полную неудачу во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, поставивъ себя въ безвыходное положеніе по отношенію къ мѣстной администрації, стоящей передъ ими во всеоружії власти, къ тому же поддерживаемые всеобщими насыщшками, въ особенности горѣловцевъ, не рѣшились бы, въ припадкѣ отчаянія, на что либо неожиданное въ цѣляхъ самоистребленія, тѣмъ болѣе, что изъ того, что они разсказывали сами о себѣ, можно было вывести предположеніе, что подобное изувѣрское дѣяніе не шло въ разрѣзъ съ ихъ новымъ ученіемъ. Дабы не допустить ихъ до этого, а также чтобы предупредить столкновеніе между партіями, такъ какъ раздраженіе однихъ противъ другихъ дошло до крайнихъ предѣловъ,—начальникъ губерніи счѣль необходимъ принять нѣкоторая экстраординарныя мѣры. Такъ, напримѣръ, воспретить духоборцамъ и духоборкамъ всѣхъ трехъ партій подъ страхомъ наказанія выѣзжать изъ своихъ селеній безъ особаго письменнаго разрѣшенія вновь назначенаго правительственнаго старшины и безъ конвоя отъ казаковъ или чапарт; всѣ сходки и сборища какъ въ селеніяхъ, такъ и въ особенности въ оныхъ разгонять силою; вокругъ селеній и по дорогамъ назначать конные разѣзы, которыми приказано силою заставлять духоборцевъ подчиняться новымъ правиламъ и т. п.

Одновременно съ происходившими событіями, а отчасти и подъ вліянемъ овыхъ, выяснилось, что духоборцы «постники», разѣе перехода къ настоящимъ своимъ активнымъ дѣйствіямъ, измѣнили другому принципу своей секты и занимались мятежной пропагандой средя туземнаго населенія, какъ-быща въ немъ сочувствія и поддержаніи. Такъ, скрушая свое благосостояніе, распродавая за безцѣнокъ имущество и скотъ и видимо собираясь куда-то въ дальний путь, духоборцы третьей партіи объявили удивленнымъ туземцамъ во всеуслышаніе: «намъ не нужно никакихъ властей, безъ которыхъ мы всегда обходились и обойдемся и впредь; мѣстная власти хороши для васъ, грузинъ, армянъ, та-

тарь, а мы управляемся самимъ Богомъ; прощайте, скоро услышите о насть». Независимо сего, поквальяясь своимъ довольствомъ и молодечествомъ, они говорили окрестному туземному населенію: «чего смущаешься, глядя на насть? развѣ не видите какіе мы молодцы; мы люди бодрые духомъ, къ тяжелому труду привычные, всѣ какъ одинъ человѣкъ; мы нигдѣ не пропадемъ; не то что вы, люди ни на что неспособные; вы и дышать то можете лишь при содѣйствіи правительства; подождите немного, скоро прамутся за васъ и за вѣру вашу, тогда посмотримъ что вы запоете; мы изъ всякаго обстоятельства выйдемъ побѣдителями, а вами конецъ; да и теперь, на нашемъ мѣстѣ, васъ всѣхъ перебили бы, а насть не смѣютъ тронуть».

Подобныя рѣчи невольно возбуждали мѣстное населеніе, въ особенности мусульманское, видѣвшее въ духоборцахъ лучшихъ изъ русскихъ людей, пользовавшихся особыннымъ покровительствомъ мѣстныхъ властей, ставившихся всѣмъ въ примѣръ, и зажиточностью свою пріобрѣвшихъ извѣстный авторитетъ въ той мѣстности. Въ настоящее время эти русские люди, съ которыми она прожили мирно пол-вѣка, внезапно приглашаютъ ихъ не слушаться законныхъ властей и усиливаются убѣдить ихъ, что подъ именемъ «православный Бѣлый Царь» они должны разумѣть Петра Веригина, такъ какъ онъ есть ихъ царь, ихъ, «православныхъ» и «бѣлыхъ». Когда-же эти русскіе люди перешли отъ словъ къ дѣлу, то такие поступки вызвали во всемъ окрестномъ населеніи, какъ сельскомъ, такъ и г. Ахалкалаки, крайне удручающее впечатлѣніе и глухой говоръ, вслѣдствіе чего пришлось для успокоенія туземныхъ жителей, въ особенности мусульманъ, вызвать почетныхъ отъ нихъ жителей и разъяснить имъ значеніе происходящихъ беспорядковъ и ожидающія ослушниковъ послѣдствія.

Дальнѣйшее положеніе ненормального порядка вещей въ ожиданіи, что «постники» одумаются и сознаются свою вину — являлось совершение невозможнымъ, почему приходилось покончить съ ними какимъ-бы то ни было путемъ, но только возможно скорѣе, дабы не оставлять ихъ вполнѣ безнаказанными и произвести впечатлѣніе, какъ на колеблющихся духоборцевъ второй партіи, такъ и на окрестное туземное населеніе, которое могло бы истолковать себѣ безнаказанность фанатиковъ совершенно превратно и въ смыслѣ, для интересовъ власти нежелательнѣ. Такою мѣрою, болѣе радикальной, чѣмъ предыдущія, и удовлетворяющей потребности минуты, являлось немедленное удаленіе партій «постниковъ» изъ предѣловъ Ахалкалакского уѣзда и расселеніе ихъ по губерніи не кучно, но вразброда вопреки ихъ желанію жить сосредоточенно, что могло бы лишь вести къ продолженію проявленія ихъ своеволія и сло-вомъ и дѣломъ.

Но прежде однако, чѣмъ приводить означенную мѣру, одобренную

высшимъ кавказскимъ начальствомъ, въ исполненіе, начальникъ губерніи—въ виду ея суровости—счелъ нужнымъ еще разъ попытаться склонить «постниковъ» на какое либо соглашеніе. Въ этихъ видахъ до примѣненія уже опредѣленного наказанія, какъ бы забывая прошедшее—всѣмъ духоборцамъ было объявлено, что всѣ тѣ изъ нихъ, которые отказываются отъ повиновенія властямъ и подчиненія существующимъ законамъ, подлежать немедленному аресту и высылкѣ; но что тѣ, которые пожелаютъ изъятьть покорность, могутъ остаться на своихъ мѣстахъ. При этомъ было разъяснено, что на первое время начальство согласно удовлетвориться однимъ простымъ заявленіемъ о нежеланіи переселиться. Вмѣстѣ съ тѣмъ же выяснялись «постникамъ» всѣ тѣ же ожидавшаго ихъ наказанія, и чины уѣздной полиціи и частные ахалкалакскіе горожане, связанные съ сектантами торговыми интересами, старались втолковать имъ, что высланные будуть водворяены по-семейно среди людей негостепріимныхъ, чуждыхъ имъ по языку и обычаямъ, безъ клочка земли, безъ надежды на заработки, въ мѣстностяхъ нездоровыхъ и т. п.—словомъ картина ихъ будущей жизни рисовалась въ самыхъ непривлекательныхъ краскахъ. Кромѣ того, для осуществленія переселенія на практикѣ былъ назначенъ трехнедѣльный срокъ съ предоставлениемъ каждому права до переѣзда границы Ахалкалакскаго уѣзда заявлять о желаніи своеимъ оставаться на мѣстѣ жительства, каковое заявленіе вызывало разрѣшеніе возвратиться. Но и эта попытка къ возможному смягченію ихъ фанатического упорства не привела ни къ какому благопріятному результату. Напротивъ того, освѣдомившись о распоряженіяхъ къ выселенію, «постники» приняли это извѣстіе съ проявленіями величайшей радости и не только отказались отъ всякихъ предложенныхъ льготъ, но просили только объ одномъ, чтобы ихъ скорѣе двинули въ путь. При этомъ они какъ бы смягчились и вступили въ переговоры съ чинами уѣздной полиціи относительно наискорѣйшаго и удобнѣйшаго выполненія губернаторскихъ распоряженій.

Пользуясь этой перемѣнной въ настроеніи, начальникъ губерніи счелъ нужнымъ еще разъ призвать къ себѣ нѣкоторыхъ лично ему извѣстныхъ «постниковъ» и вступать съ ними въ бесѣду. Они держали себя спокойно, относились къ губернатору крайне почтительно, но говорили, какъ люди убѣжденные, безповоротно принявши извѣстное рѣшеніе и порвавши со всѣмъ прошлымъ. Сущность ихъ объясненій сводилась къ слѣдующему: «мы заслужили смерть и пощады себѣ не просимъ. Мы сдѣлали то, что намъ повелѣно свыше, дѣлайте и вы что знаете; какъ мы не можемъ отступиться отъ своихъ обязанностей, такъ и вы не должны отступаться отъ вашихъ; мы служимъ одному парю, а вы другому; мы другъ друга не поймемъ и не убѣдимъ; вы смотрите на насъ какъ на сумасшедшихъ, и это насъ нисколько не удивляетъ потому, что и мы, въ

свою очередь, смотримъ точно такъ же на васъ и на подобныхъ вамъ, да иначе и быть не можетъ, такъ какъ вы одни люди, а мы другіе; мы здѣсь больше жить не можемъ, и возьмите насъ скорѣе отсюда. Если намъ не жаль покидать имущество нашего, добытаго тяжелымъ полувѣковымъ трудомъ, то не странно ли вамъ за часъ жалѣть о немъ; тоже самое скажемъ и о дѣтяхъ нашихъ: не вы ихъ родили, не вы вскормили, а по-тому и не можете ихъ любить болѣе чѣмъ мы ихъ любимъ; за ваше сердечное участіе мы вамъ не скажемъ спасибо, да и начальство ваше за это тоже благодарить васъ не станетъ; такъ къ чему же вамъ утруждать себя; поэтому приступайте скорѣе къ чему нужно: или перебейте всѣхъ насъ, или сошлите; чѣмъ скорѣе вы это сдѣлаете, тѣмъ будетъ лучше и для васъ и для насъ; здѣсь мы никого не будемъ слушаться, всѣхъ измучимъ, а на новыхъ мѣстахъ будемъ вести себя смирно и выполнять всѣ требования мѣстного начальства. Какія бы ни ожидали насъ лишенія и строгости, мы будемъ переносить ихъ съ терпѣніемъ и даже съ благодарностью, потому что таково наше ученіе; мы не горѣловцы, да вообще говоря, мы даже и не духоборцы, а къ чему вамъ знать кто мы; общаемъ только, что во всемъ будемъ послушны и на васъ ни за что пеинять не будемъ».

На вопросы о томъ, какъ они объясняютъ противорѣчіе въ ихъ по-веденіи, выражющееся въ томъ, что по новому ученію они не могутъ держать оружія въ рукахъ, почему отказались служить въ войскахъ, не смѣютъ обидѣть даже курицу, а между тѣмъ вооружались и намѣревались истребить горѣловцевъ, спрашиваемые отказывались давать отвѣты или отзывались уклончиво. «Намъ и смотрѣть-то на нихъ противно и тошно,—говорили они,—не то что сражаться съ ними; мы только рѣшили собраться всѣмъ народомъ въ Горѣлое 29-го юня, чтобы спросить, что они разсчитываютъ дѣлать? быть можетъ они и покаялись бы, погиблились, подчинились бы и удостоились бы Царствія Божія». На вопросъ: что они сдѣлали бы, если-бы горїловцы не впустили ихъ и дали вооруженный отпоръ, отвѣчали, что не знаютъ, что бы они сдѣлали въ этомъ случаѣ. Сторонко же «постники» разсказывали, что стрѣлять въ горїловцевъ они не намѣревались, а что по всей вѣроятности вѣкото-рыхъ изъ нихъ они замучили бы до смерти.

Приготовленія «постниковъ» къ выселеніюшли не только въ полномъ спокойствіи, но они, благодаря Бога за проявленіе къ нимъ милости, опасались только одного, чтобы начальство не отмѣнило своего распоряженія о ссылкѣ. Наперерывъ другъ передъ другомъ они старались попасть въ первую партію ссылемыхъ, увѣряя, что они-то и есть самые беспокойные въ селеніи и зачинщики мятежа. Забирая съ собою только самое необходимо, и покидая все остальное вмѣстѣ съ посѣвами, полыми всякаго добра жилищами своими, выселявшіеся совершенно равнодушно

успокаивали людей, чистосердечно печалившихся объ ихъ судьбѣ. «Ничего,— говорили они,— какъ бы тамъ ни было худо— все-таки тамъ будеть лучше, чѣмъ здѣсь; пугаютъ, что мы тамъ всѣ погибнемъ— что жъ на это воля Божія; но сослали насъ прежде на Молочную,— мы тамъ хорошо устроились, взяли оттуда, прислали сюда въ Закавказье— мы устроились еще лучше; дастъ Богъ и теперь не пропадемъ; вѣдь Богъ и тамъ также будетъ съ нами». Одно только, что огорчало переселеныхъ и чemu не хотѣли они вѣрить— это свѣдѣніе объ оставленіи ихъ въ предѣлахъ губерніи; повидимому они хотѣли и разсчитывали на отправленіе ихъ въ Сибирь и въ общей массѣ, т. е. повтореніе уже бывшихъ переселеній.

8-го юля, т. е. черезъ недѣлю послѣ начала беспорядковъ, первая партія ссылаемыхъ, въ которую вошли наиболѣе видные заправы бывшихъ волненій, собранная изъ семи селеній спасскаго общества, по 5 семействъ съ каждого селенія, въ числѣ 35 семействъ и 52 фургоновъ, была готова къ выступленію и, въ ожиданіи движения, еще наканунѣ собралась подъ г. Ахалкалаки, гдѣ и имѣла ночлегъ. Желая напутствовать ихъ въ дорогу, но не придавая этому офиціального вида, губернаторъ отправился къ нимъ одинъ, пѣшкомъ, какъ бы прогуливаясь; узнавъ его издали, они стали снимать шапки и вытягиваться въ линію передъ фургонами. Онъ увидѣлъ въ числѣ этихъ лицъ и такихъ, которыхъ за недѣлю передъ симъ въ Богдановѣ дѣлали гримасы, кричали «ай, господинъ» и пр.; но теперь это были совершенно другіе люди, стояли чинно, почтительно и смиренно. Указавъ имъ вновь на ихъ мятеожное поведеніе и разъяснивъ, куда именно ихъ направляютъ, при какихъ условіяхъ они будутъ жить, какія строгія касательно ихъ инструкціи даны мѣстнымъ полицейскимъ властямъ, губернаторъ совѣтовалъ не ухудшать на новыхъ мѣстахъ поселенія дурнымъ поведеніемъ своего и безъ того тяжелаго положенія. Въ почтительнѣйшихъ выраженіяхъ ссылаемые благодарили его за вниманіе къ нимъ, за участіе къ дѣтямъ и просили не утруждать себя беспокойствомъ за ихъ судьбу. «Тамъ живуть люди,— говорили они,— сѣдовательно и мы проживемъ; по всей вѣроятности намъ даже будеть тамъ лучше, чѣмъ здѣсь, гдѣ памъ никакъ нельзя болѣе оставаться; на новыхъ же мѣстахъ будемъ во всемъ послушны распоряженіямъ начальства». Всѣ говорили спокойно, какъ люди довольные своею судьбою, добившіеся желаемаго исхода, и бывшаго возбужденія какъ не бывало.

Въ послѣдующія двѣ недѣли были выселены изъ Ахалкалакскаго уѣзда остальные духоборцы третьей партіи («постники»), всего въ числѣ 439 семействъ и 4.000 душъ. Выселеніе этихъ послѣднихъ прошло также совершенно спокойно. Такимъ образомъ, въ теченіе самаго короткаго времени поднята, оторвана отъ большихъ хозяйствъ и обрабо-

такой земли значительная масса людей, съ разселенiemъ ихъ въ различныхъ частяхъ губерніи, и при этомъ не только не было употреблено силы, но даже понужденія въ видѣ повторенія приказанія; — примеръ необычайный и объяснимый только тѣмъ, что сами эти люди заранѣе рѣшили переселеніе и приготовились къ нему, но только въ иныхъ, чѣмъ оказалось, мѣста.

Такимъ образомъ возбужденіе было усмирено и принятъ возможный мѣры для предупрежденія беспорядковъ въ будущемъ, но чтобы вполнѣ ясно судить о цѣлесообразности этихъ мѣръ — являлось необходимымъ еще болѣе и подробно выяснить всю суть возникшихъ между духоборцами отдѣльныхъ партій недоразумѣній, такъ какъ въ этой-то сути и заключается, очевидно, корень всѣхъ безчинствъ и волненій. Такое разясненіе сути дѣла важно было и въ смыслѣ разясненія вопроса о томъ, чего можно ожидать, послѣ удаленія «постниковъ», отъ поведенія духоборцевъ двухъ партій, оставшихся на своихъ старыхъ мѣстахъ. Преслѣдуя указанную цѣль, интересующіеся вопросомъ лица и обратились вновь къ переговорамъ и объясненіямъ съ представителями обѣихъ оставшихся партій. Переговоры эти выяснили много весьма интереснаго и существеннаго.

Смыслъ объясненій первой партіи горыловцевъ, получившійся изъ суммы многихъ частныхъ переговоровъ съ отдѣльными личностями, сводится въ общемъ къ слѣдующему: «Мы — духоборцы, избавлены милостью правительства, а потому возгордились и потеряли голову; прежнее воспитаніе наше было основано на чудесахъ, на неизвѣстныхъ разсказахъ нашихъ отцовъ, и мы привыкли вѣрить всякою вздору; при этомъ сами мы никогда ни о чёмъ не разсуждали, а пріучены были лишь смѣло исполнять приказанія нашего управляющаго; поэтому, когда пришлось жить собственнымъ умомъ — мы растерялись. Правительство тоже немного виновато въ случившемся: къ чему было такъ много воеваться съ нами? Если бы на первыхъ же порахъ хорошенъко тряхнули, человѣкъ бы съ сотню съ Веригинъ во главѣ повѣсили, остальныхъ бы перепороли и заполнили наши села татарской экзекуціею, то мы давно бы перестали блажить. А то выпало такъ: при Лукаревѣ Васильевичѣ мы и думать ни о чёмъ не смѣли, были тише воды, ниже травы; чуть что по ихнему — въ подземелье, кандалы, кошки, а теперь вотъ уже 8 лѣтъ глупый народъ не признаетъ никакой власти, бросилъ трудиться, безпокойтъ начальство, надо всѣмъ насмѣхаться и все это ему безнаказанно сходить, — народъ и обезумѣлъ. Въ настоящее время уже кажется совсѣмъ уничтожены, а послушали бы какъ похваляются: «мы, говорять, не только вамъ, горыловцамъ, но и вашимъ покровителямъ зададимъ еще, постоимъ за своихъ и покажемъ себя. За васъ губернаторъ и казаки, а у насъ Богъ впереди. Посудите сами хорошенъко —

чья возьметъ?» Духоборцы второй партии въ разладѣ съ «постниками», и они очень злы другъ на друга, но и имъ нельзя довѣрять. Они теперь перепуганы и покорны, а повѣрьте, они сами не знаютъ, что еще будутъ дѣлать—это такие же Веригинские птенцы. Конечно, и между нами есть люди не искренніе, въ особенности между стариками. Теперь они смѣются передъ начальствомъ надъ тѣмъ, что духоборцы большой партии вѣрять, будто Веригинъ творить всякия чудеса, а забываютъ, что они сами толковали намъ о такихъ же чудесахъ, творившихся будто бы Лукерьею Васильевной во время земной жизни ея милости. Даже и теперь нѣкоторые изъ нихъ стараются убѣдить насъ, что она почиваетъ въ могилѣ нетѣлѣною. Но мы уже не тѣ, чтобы всякому вздору вѣрить, и хотимъ жить какъ живутъ другіе люди; поэтому наѣдемся отстать отъ прежнихъ заблужденій и не станемъ болѣе поклоняться мужику какъ Богу. Будемъ во всемъ послушны властямъ, исполнять всѣ требования закона и думать лишь о своихъ дѣлахъ. Если же среди насъ и явится какой-нибудь возмутитель, то тотчасъ же дождимъ начальству и выдадимъ его. Что же касается до «постниковъ», то о нихъ ничего и говорить; перестрѣлять ихъ да и только. Мы слышали, что они жалуются на то, будто насъ всѣхъ притѣснили мѣстныя власти,—это совершенный вздоръ; ни насъ, ни нашихъ отцовъ никто не притѣснялъ, и мы отъ начальства ничего кромѣ покровительства не видѣли».

Насколько искренни подобныя заявленія и въ особенности на сколько они выражаютъ стремленіе большинства первой партии—судить трудно, въ особенности, если принять въ вниманіе способность духоборцевъ къ лести и лжи и всю обстановку разгрома, при которой давались эти показанія.

Болѣе существенныя свѣдѣнія удалось получить отъ молодыхъ духоборцевъ второй партии, и въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія показаніе Алексея Воробьевъ, одного изъ наиболѣе даровитыхъ духоборцевъ, бывшаго замѣстителя Веригина и временно управлявшаго «Сиротскимъ домомъ», а также руководившаго за послѣдніе семь лѣтъ всѣми интригами и предъявленіями претензій, прикрывая все это обычными духоборческими пріемами, лицемѣріемъ, лукавствомъ, скрытностью и притворствомъ, прикидываясь наивными и непонимающими. Извинившись предварительно за все прошлое свое поведеніе, Воробьевъ прямо заявилъ, что «настало время говорить правду, и я постараюсь высказать ее настолько ясно, на сколько это будетъ въ моихъ силахъ. Мы всегда жили на иныхъ основаніяхъ, чѣмъ живутъ другія общества, потому что у насъ выработался свой особенный общественный строй, намъ однѣмъ присущій и составлявшій наше «отечество», заключавшееся, главнѣйшимъ образомъ, въ «священномъ Сиротскомъ

домѣ» и управляющемъ онимъ. Эти особенности и сдѣлали то, что мы составляемъ отдельную тѣсно сплоченную общину и называемся «духоборцами», и если бы какія-нибудь обстоятельства по нашей винѣ или помимо ея измѣнили этотъ строй и лишили бы наась «отечества», то этимъ самимъ мы уже перестали бы быть духоборцами, потому что мы оттого и духоборцы, что наась присущъ именно этотъ особый общественный строй. Кто пожелаетъ понять это, тотъ пойметъ также и то, насколько непослѣдовательно удивляться тому, что духоборецъ не можетъ оставаться духоборцемъ и отказаться отъ того, что онъ называется «отечествомъ». Чтобы понять, почему мы такъ измѣнились съ 1887 года, нѣть надобности добиваться, какъ относились духоборцы къ личности своего «управляющаго» съ духовной стороны, т. е. смотрѣли ли они на него, какъ на Христа, или какъ на пророка—это безразлично, потому что иные смотрѣли на него, какъ апостолы смотрѣли на Христа, считали его «Спасителемъ» или «дверью въ царствіе небесное»; иные считали «богочеловѣкомъ» или земнымъ богомъ; другие почитали только пророкомъ; а были люди и разумные, которые просто смотрѣли на него, какъ на обыкновеннаго человѣка. Важнѣе значеніе его среди наась, какъ дѣятеля общественнаго. Въ этомъ отношеніи «управляющій» былъ верховнымъ главою нашей общинѣ, ничѣмъ не ограниченный въ своей власти, который всѣмъ распоряжался, все направлялъ, и всякий изъ наась одинаково считалъ свою священною обязанностью безпрекословно ему повиноваться. На этомъ подписывались (присягали) духоборцы, въ этомъ прошла вся ихъ исторія и это толь порядокъ, который къ нимъ привилъ; въ немъ видѣли мы все наше спасеніе. Въ теченіе этого вѣка управляли нами Калмыковы и наконецъ Лукерья, вдова послѣднаго изъ нихъ, а съ нею прекратилась священная для наась линія (династія). Тогда, естественно, мы были вынуждены прибѣгнуть къ избранію представителя новой линіи и, по тѣмъ или другимъ причинамъ, выборъ нашъ остановился на Петре Веригинѣ, которому мы и подписались (присягнули). Но Зубковъ и Губановы, и прежде не любившіе Веригина, не признали его, не подчинились общему избранію и увлекли за собой другихъ духоборцевъ, въ числѣ слишкомъ 200 семействъ. Этими Зубковъ и Губановы измѣнили духоборческому дѣлу, продали «отечество» и поставили общину въ безвыходное положеніе. Они не могли не сознавать, что ихъ слишкомъ мало, чтобы подчинить себѣ большинство, а сами въ свою очередь не приняли избранника большинства, облеченнаго во власть, безъ которой они сами не могутъ обойтись, пока будуть считать себя духоборцами. Между тѣмъ, если бы они подчинились рѣшенію большинства, то Веригинъ вступилъ бы спокойно въ управление общиной и, несмотря на свою неопытность, со временемъ бы присмотрѣлся и управлялъ бы, вѣроятно, не хуже своихъ пред-

шественниковъ Калмыковыхъ; народъ жилъ бы покойно, и мѣстныя власти, какъ и прежде, были бы довольны нами. Когда же произошелъ разладъ, то это настолько сильно взволновало духоборцевъ и самого Веригина, что утрачено было спокойствіе и все дѣло поведено было не съ соответствующею обстоятельствамъ осторожностью. Духоборцы, раздраженные упорствомъ меньшинства, слишкомъ громогласно и публично величали Веригина пророкомъ и царемъ, а у Веригина не хватало ловкости и терпѣнія, чтобы преодолѣть препятствія. Сюда же примѣщались интриги Зубкова; послѣдствіемъ всего этого и была между прочимъ высылка Веригина.

«Духоборцы, въ большинствѣ люди неразвитые, не понимали, что для правительства Веригинъ не что иное, какъ простой духоборецъ и крестьянинъ, а воображали, что его, какъ лицо особенно для нихъ священное, никто не посмѣеть тронуть; когда же его выслали, они увидѣли, что ошиблись, и по глупой кичливости возмечтали, что могутъ заставить правительство возвратить его. Для достиженія послѣдняго, мы пускали въ ходъ все, что могли, а не достигая цѣли, раздражались и бросались на всѣ мѣры. Не смѣя высказываться откровенно и не умѣя взяться надлежащимъ образомъ за дѣло, стремились ввести администрацію въ заблужденіе и были вынуждены прибѣгать къ обману, лжи и клеветамъ. Весь ходъ дѣла близко вамъ извѣстенъ, почему скажу откровенно: мы теперь чувствуемъ до чего виноваты передъ правительствомъ, но извольте принять въ соображеніе, что мы, духоборцы, никогда не жили своимъ умомъ и до того времени никогда не имѣли сношений съ властями, такъ какъ всѣми подобными дѣлами всегда вѣдалъ напѣтъ «управляющій»; онъ одинъ могъ всѣхъ успокоить, всѣхъ сдержать, а его-то и не было между нами. Общество все больше и больше волновалось, а разные говоруны еще больше разжигали его всякими недѣлостями; если же кто-нибудь пытался успокаивать общество, объясняя, что однѣмъ упорствомъ и строптивостью съ правительствомъ ничего не подѣлаешь, то это ни къ чому не вело потому, что народъ разсуждалъ такъ: «у насъ отняли отечество, безъ которого мы жить не можемъ; мы ни передъ чѣмъ не должны останавливаться, чтобы обрѣсти его; мы видимъ, какъ напримѣръ русскіе, присагнувъ своему царю, готовы за него и за вѣру свою идти въ огонь и въ воду, не щадя своего живота и не спрашивая насколько это выгодно. Веригинъ имѣть для насть такое же значеніе, почему мы также должны быть готовы сложить за него наши головы и не избѣгать случаевъ пострадать за него и не взвѣшивать на сколько это умно и полезно. Если правительство поучаетъ русскихъ, что крѣпко стоять за ихъ вѣру, царя и отечество есть священная обязанность каждого изъ нихъ, то можетъ ли оно упрекнуть

насъ въ томъ, что мы поступаемъ такъ же по отношенію нашей вѣры, нашего цара (властелина) и нашего отечества».

«Многіе изъ насъ ясно сознавали несостоятельность такого разсужденія, но въ то время не могли не раздѣлять основнаго убѣжденія оставшихъ духоборцевъ касательно того, что покуда мы остаемся духоборцами, мы не можемъ отказываться отъ Веригина и успокоиться. Вотъ почему мы постоянно волновались и тщетно хватались за все, что могли, чтобы помочь бѣгѣ. Такъ проходили года. Тѣмъ временемъ, Веригинъ, живя въ Шенкурскѣ, сошелся съ нѣкоторыми сосланными туда, какъ и онъ, сектантами, а такихъ тамъ было много; были и штундисты и баптисты и толстовцы. Онъ вѣль съ ними бесѣды и читалъ ихъ книги. Нѣкоторые изъ насъ, посѣшивши Веригина въ Шенкурскѣ, сами видѣли его за чтеніемъ сочиненій графа Толстаго. Въ послѣднее время духоборцы Карской области—Верещагинъ и Елизаветпольской губерніи—Конкинъ, да и другіе, возвратившись отъ Веригина, передавали намъ о нѣкоторыхъ воззрѣніяхъ на вѣру и на жизнь, установившихся у Веригина, по ознакомленіи его съ нѣкоторыми новыми для него религиозными ученіями, и отъ его имени предлагали намъ принять ихъ къ руководству. Наставленія эти касались существенныхъ сторонъ жизни и во многомъ не сходились съ основными убѣжденіями духоборцевъ. Тѣмъ не менѣе, разъ они предлагались отъ имени Веригина, то и принимались многими весьма охотно. Главныйтимъ образомъ они заключались въ слѣдующемъ:

- 1) всегда помнить, что надо служить одному Богу и больше никому;
- 2) изъ этого вытекаетъ между прочимъ, что такъ какъ военное ремесло противно Богу, то духоборцы не должны отбывать воинской повинности;

3) имущество духоборцевъ должно быть раздѣлено поровну между всѣма духоборцами;

4) духоборцы навсегда должны отказаться отъ употребленія мясной пищи, такъ какъ добываніе ея вызываетъ пролитіе крови, и

5) духоборцы должны воздерживаться отъ скопеній съ женщинами и этимъ путемъ способствовать къ естественному прекращенію ихъ рода.

«Всѣ эти правила должны повести къ торжеству основнаго догмата: не бояться погубить плоть, лишь бы душа пребывала въ чистотѣ и цѣлости. Въ этихъ видахъ возвращается также пить водку, курить табакъ и вообще дѣлать что-либо такое, что не составляетъ непосредственной необходимости для существованія и не приносить никакой пользы для души. Это ученіе именуется у насъ «вѣрою первобытныхъ христіанъ», а исповѣдующіе его называютъ себя «первобытыми, истинными и православными христіанами». Помимо Верещагина, Конкина и прѣживавшихъ отъ Веригина лицъ, дѣлу распространенія этого вѣроученія среди насъ содѣйствовалъ также проживав-

шій въ Башкичетахъ ссылочный князь Хилковъ; онъ охотно велъ бесѣду съ духоборцами, поучалъ ихъ правиламъ, которыхъ самъ придерживался, и раздавалъ книги для прочтенія. Но само собою разумѣется, что собственно князя Хилкова, какъ самостоятельного проповѣдника, никто бы не послушался, не будь на то соизволенія Веригина. Въ числѣ ходившихъ по рукамъ книгъ были сочиненія Сократа, Діогена и Эпиктета; въ нихъ говорилось о наставленіяхъ, о которыхъ упомянуто выше, на сколько можемъ запомнить, въ слѣдующемъ видѣ:

- 1) надо служить одному Богу и больше никому;
- 2) люди не должны оказывать другимъ сопротивленія, какъ бы жестоко за это ни страдали. Въ этомъ случаѣ рекомендуется слѣдовать примѣру Эпиктета: нѣкій человѣкъ билъ его по ногѣ; Эпиктетъ сказалъ ему спокойно: «не бей, сломаешь миѣ ногу»; но тутъ продолжалъ наносить ему удары и сломать ногу; на это философъ добродушно возразилъ бывшему его: «говориъ тебѣ, что сломаешь». Въ силу этого наставленія, человѣкъ долженъ переносить всѣ бѣдствія и страданія съ терпѣніемъ и смиреніемъ; въ самыя тяжелыя минуты жизни онъ долженъ за все благодарить Бога и не долженъ противиться даже врагамъ; если кто страдаетъ отъ другаго, то они оба заслуживаютъ сожалѣнія,—первый потому, что онъ страдаетъ, а второй потому, что онъ творить противное Богу;
- 3) владѣть оружиемъ и, въ особенности, причинять имъ вредъ какой бы то ни было Божьей твари есть величайшій грѣхъ;
- 4) въ виду вышесказанного, человѣкъ не долженъ употреблять пищу, въ составѣ которой входить что-либо изъ царства животныхъ;
- 5) для торжества духа, т. е. главной цѣли жизни, плоть должна быть совершенно порабощена; человѣкъ достигаетъ этого черезъ воздержаніе; онъ долженъ избѣгать малѣйшей роскоши, безполезныхъ удовольствій, празднаго препровожденія времени и довольствоваться исключительно естественными произведеніями природы, и
- 6) человѣкъ не долженъ думать о плоти, даже въ интересахъ самосохраненія; поэтому не представляется надобности въ брачномъ сожительствѣ.

«Въ книгахъ писано еще многое въ этомъ духѣ.

«Такія поученія хотя и грѣшатъ нѣкоторымъ преувеличеніемъ, но висковъко не представляются противными убѣжденіямъ совѣсти. И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ лучше красить человѣка, какъ добродѣтель во всѣхъ ея видахъ, незлобивость, смиреніе, воздержаніе отъ излишествъ, скромный трудъ и т. п., но несмотря на это многие изъ насъ испугались нового ученія и призадумались. Прежде всего мы не могли уснить себѣ, насколько новые правила могутъ соотвѣтствовать условіямъ, въ коихъ мы живемъ въ государствѣ совмѣстно

сь другими людьми. Мы не могли додуматься — какая могутъ произойти отъ этого для насть послѣдствія, и опасались, чтобы изъ желанія сдѣлать лучше не навлечь на себя какой-нибудь новой бѣды; опасались, чтобы не случилось съ нами того, что случилось съ третьею партіею. Такъ, напримѣръ, предлагавшися намъ наставленія вовсе не склоняли къ тому, что «постники» продѣльвали на нашихъ глазахъ во имя этихъ правилъ. Желая выдѣлиться отъ всѣхъ послушаніемъ, смиреніемъ, не-противленіемъ злу и т. п., они начали съ того, что явили небывалое среди насть сопротивленіе самыи законныи требованіямъ властей, начали чинить всѣмъ грубости и обратились въ прямыхъ бунтовщиковъ, которыхъ слѣдовало истребить въ интересахъ порядка. Мы этого именно и боялись и не спѣшили провозглашать себя приверженцами новаго ученія. Но большинство духоборцевъ большой партіи, думая, что творить угодное Веригину, безъ всякой подготовки и съ обычнымъ въ такихъ случаяхъ усердіемъ, бросились на новое ученіе, и всякий сталъ усваивать и толковать его по степени своего пониманія. Такимъ образомъ они, сами того не предусматривая, перестали быть, собственно говоря, духоборцами, и у насть произошло новое раздѣленіе. Хотя мы и не пристали къ нимъ, но этимъ еще далеко не выяснили нашего настоящаго положенія. Дѣло въ томъ, что мы присягнули Веригину, какъ главѣ нашего духоборческаго строя и оставались вѣрными ему; теперь, какъ мы слышимъ и видимъ онъ самъ какъ будто пересталъ быть духоборцемъ, и мы даже между собою не можемъ установить по отношенію къ нему нашихъ сердечныхъ чувствъ. Если мы будемъ при данныхъ условіяхъ, во имя духоборчества, держаться Веригина, переставшаго быть духоборцемъ, то это приведеть насть къ участіи третьей партіи, чего мы отнюдь не желаемъ; не знаемъ такъ же, какъ и отказаться отъ него, такъ какъ это было бы противно всѣмъ правиламъ духоборцевъ; вотъ мы пока и пребываемъ въ такомъ недоумѣніи и не знаемъ чѣмъ оно разрѣшится. Мы рѣшились переждать и осмотрѣться, но во всякомъ случаѣ будемъ оказывать властямъ всякое повиновеніе и безпрекословно подчиняться всѣмъ безъ исключенія существующимъ законамъ, наравнѣ съ прочимъ благонадежнымъ населеніемъ государства. Насть могутъ упрекать, считая людьми ненадежными, на которыхъ нельзя положиться, и, къ сожалѣнію, для этого имѣется много основаній такъ думать о насть, тѣмъ болѣе, что послѣ всего случившагося мы, пожалуй, сами другъ другу не довѣряемъ. Но Богъ милостивъ, постараемся встать на ноги, выбѣемся изъ той колеи, на которую попали хотя не по своей винѣ, но не можетъ сказать какъ и когда это сдѣлаемъ.

«Вы изволите говорить, что мы глупы, и смеетесь надъ нами, сравнивая съ сосѣдями нашими армянами, которыхъ, по вашимъ словамъ, нельзя будто убѣдить въ томъ, что другой армянинъ летаетъ на обла-

кахъ. Дѣйствительно; но изъ нась далеко не всѣ видѣли Веригина на облакахъ и вѣрять подобнымъ неизѣпостямъ; а людей неразумныхъ можно найти и между армянами. Если дозволено будетъ доложить, — иногда и духоборцамъ приходится изъ приличія удерживаться отъ смѣха, глядя на армянъ; такъ, напримѣръ, эти самые армяне, во время засухи, приносятъ съ величайшимъ почетомъ, иногда за сто верстъ, доску съ изображеніемъ другаго такого же какъ они человѣка, бросаются передъ нимъ на колѣни и такимъ образомъ обходить свои поля, въ полномъ убѣжденіи, что отъ этого пойдетъ дождь; мы вѣдь тогда не смѣемся надъ ними, что они доску почитаютъ за Бога; для чего же имъ смѣяться надъ нами, если скажетъ что либо глупое какои-нибудь напѣтъ дуракъ. Повѣрьте, мы такие же люди какъ и другіе, не хуже ихъ; правда, мы попали въ тяжелыя обстоятельства; но дастъ Богъ старай на ноги, хотя и не можетъ доложить какъ и когда это сдѣлаемъ. Поэтому, просимъ нижайше, дайте намъ на это время, пощадите насть и наши семьи.

«Мы не знаемъ, кто были Сократъ, Діогенъ и Эпиктеть; не знаемъ, были ли они христіане, были ли русскіе. Новое ученіе начало проникать къ намъ года два тому назадъ. Верещагинъ, Василий Веригинъ (брать Петра) и Конкинъ болѣе всего хлопотали объ его распространеніи; по ихъ винѣ произошелъ у насъ разладъ. Они возникъ сначала изъ-за дѣлежа имущества, такъ какъ многие изъ насть, т. е. оставшіеся во второй партии, отказались отъ такого дѣлежа, находя его неразумнымъ. Затѣмъ пошли несогласія и по другимъ вопросамъ, и въ началѣ настоящаго года мы окончательно разошлись, о чёмъ и докладывали уѣздному начальнику. Одно время⁴⁾ мы ожидали, что Веригина помилуютъ, и онъ будетъ возвращенъ, но этого не случилось. «Постники» сильно озлобились на это; они не знали что и придумать, чтобы высказать свое неудовольствіе противъ мѣстныхъ властей. Поведеніе ихъ такое, что о немъ и говорить противно. Они держать себя и не какъ духоборцы, и не какъ толстогоры, и не какъ штундисты, изъ чего ясно, что не вѣра причиною такого ихъ поведенія. Они просто чѣмъ-то возгордились и потеряли разумъ. Они сами не знаютъ чего хотятъ, и никто ихъ не понимаетъ и имъ не сочувствуетъ. Теперь мы кланяемся горѣловцамъ, ведемъ съ ними бесѣду и относимся къ нимъ такъ же, какъ къ другимъ; вѣроятно и впредь не измѣнимъ этихъ отношеній. Мы додумались, что не за чѣмъ враждовать, но совсѣмъ сойтись съ ними мы еще не можемъ и не надо принуждать насть къ этому. Можетъ быть со временемъ это и сдѣлается само собой, но теперь еще не время объ этомъ думать. У горѣловцевъ пока все спокойно, но они не должны кичиться этимъ передъ

⁴⁾ ПОСЛѢ всеславившіхъ манифестовъ о восшествії на престоль государя императора и бракосочетанії ихъ императорскихъ величествъ.

другими духоборцами; мы все воспитаны на однихъ началахъ и другъ съ другомъ схожи. У нихъ покойно потому, что все до сегодняшняго дня осталось въ Горѣломъ въ томъ же видѣ, какъ было при Лукарѣ Васильевнѣ: тотъ же старшина Зубковъ, тотъ же атаманъ Батурины, тѣ же люди въ «Сиротскомъ домѣ», — а это много значитъ. Но вотъ, когда не станетъ какого-нибудь изъ нихъ, придется производить выборы должностныхъ лицъ, пойдутъ раздоры и не будетъ у нихъ власти, призванной все решать, вотъ тогда посмотримъ, что будуть дѣлать горѣловцы. Они и теперь уверяютъ, что Веригинъ — Антихристъ, а что Христосъ придется еще; не смѣшили это и не доказываютъ ли подобный разсужденія, что и у нихъ завтра можетъ появиться свой «Христосъ», который поставить все вверхъ дномъ, а жить безъ него они не могутъ, пока будутъ считать себя духоборцами. Мы знаемъ, что «постники», и безъ силной злобы стараются убѣждать незнающихъ, будто мы претерпѣвали притѣсненія отъ мѣстныхъ властей; это неправда; ни мы, ни наши отцы никакого стѣсненія отъ начальства не видѣли. Текущее положеніе есть послѣдствіе внутреннаго раздора, раздоръ идетъ у насъ между отцомъ и сыномъ, между мужемъ и женой, между братьями и сестрами; причемъ же тутъ можетъ быть начальство?

Таковы объясненія, которыя удалось получить отъ самихъ духоборцевъ и которыя могутъ служить прекраснымъ материаломъ для общаго сужденія о положеніи секты въ настоящее время, какъ проливающія некоторый светъ на тѣ внутреннія причины, которая послужили главнымъ образомъ поводомъ къ разобщенію духоборцевъ между собою и къ открытой враждѣ между отдѣльными партіями. Съ вышней стороны положеніе дѣлъ въ настоящее время такое: представители первой и второй партій, всего свыше 450 семействъ, живутъ на старыхъ своихъ мѣстахъ тихо и спокойно и никакого сопротивленія распоряженіямъ властей не оказываютъ. Некоторая враждебность между обѣими партіями хотя еще и чувствуется, но никакихъ внѣшнихъ проявленій этой враждебности не замѣчается. Духоборцы третьей партіи, разсѣянные мелкими группами по четыремъ уѣздамъ Тифлисской губерніи, живутъ пока въ большинствѣ подъ открытымъ небомъ въ своихъ громадныхъ крытыхъ фургонахъ, представляющихъ изъ себя какъ бы передвижные дома. Такой образъ жизни на подобіе кочевниковъ ими избранъ по собственному желанію, такъ какъ имъ не возбраняется напоминать себѣ жилища у мѣстныхъ жителей.

Покончивъ такимъ образомъ съ фактическою стороною настоящаго духоборческаго движенія и изложивъ сущность тѣхъ нравственно-религіозныхъ мотивовъ, подъ влияниемъ которыхъ возникла распра, перешедшая въ открытую вражду между отдѣльными партіями сектантовъ,

коснемся вкратцѣ общаго хода историческихъ событій въ духоборческой сектѣ, какимъ онъ представляется изъ разсмотрѣнія всего дѣла и изъ котораго прямо и логично вытекаетъ послѣдовательность всѣхъ дальнѣйшихъ замѣчаемыхъ въ судьбѣ секты явленій до послѣднихъ безпредковъ включительно.

Въ самомъ начаѣль нѣсколько отдѣльныхъ личностей, соединенныхъ общими убѣжденіями, выработавшимися на почвѣ соціально-религіозной, но опасающихся преслѣдований, образуютъ изъ себя нѣкоторое сообщество тайное. Спустя извѣстный періодъ времени, при разростаніи числа адептовъ новаго ученія, дающе скрываться въ тайнѣ представляется для сообщества невозможнымъ, отчасти, вслѣдствіе частыхъ проявленій принциповъ новаго ученія въ отдѣльныхъ случаяхъ виѣшней жизни, отчасти же и вслѣдствіе постояннаго вмѣшательства въ дѣла сообщества постороннихъ, власть имущихъ людей, доказывающихъ во имя своихъ интересовъ до сути дѣла. Союзъ людей тайный принужденъ такимъ образомъ въ силу необходимости сдѣлаться союзомъ явнымъ и вмѣстѣ съ этимъ переходомъ заявить о своемъ правѣ на существованіе. Правительство сильной имперіи, среди которой союзъ образовался, признаетъ за нимъ таковое испрашиваемое имъ право и отводить ему отдѣльную территорію, отказываясь при этомъ отъ вмѣшательства въ его религіозно-нравственный и частно-общинный бытъ, и требуя лишь отъ его членовъ виѣшняго подчиненія извѣстными существующими законами и исправнаго взноса податей. Союзъ такимъ образомъ пріобрѣтаетъ, кромѣ уже бывшагъ въ немъ элементовъ твердаго сплоченія общности племени, общности языка и,—общности соціально-религіозныхъ убѣжденій, еще два новыхъ существенныхъ элемента а именно: общность виѣшняго соціального быта и общность территоріи, получаемой имъ, по толкованію членовъ союза, отъ правительства имперіи на условіяхъ—не преступать извѣстныхъ законовъ и выплачивать аккуратно ежегодную дань. Для образования изъ сообщества самой твердой формы общежитія государства не достаетъ такимъ образомъ еще одного элемента, а именно—общности власти. Хотя по ученію, исповѣдуемому членами союза, та-ковая власть и имѣется—это власть чисто-теократическая, власть Господа Бога, правящаго всѣмъ міромъ, но эта власть, до ея реализаціи на землѣ, является слишкомъ отвлеченіемъ, и во всякомъ случаѣ авторитетъ власти обще-государственной, власти русскаго царя, помазанника Божія, остается невольно, въ силу унаслѣдованныхъ отъ русскихъ предковъ традицій, непоколебимымъ и незыблѣмымъ, а тѣмъ препятствуетъ окончательному обособленію союза. Отдѣльные вожаки секты, выдающиеся и по уму и по способностямъ и жаждущіе именно такого обособленія союза въ силу эгоистическихъ стремленій, отлично понимаютъ такое положеніе вещей, но и сознаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что для того, что-

бы бороться со столь сильнымъ авторитетомъ какъ власть русскаго государя, единственнымъ возможнымъ противовѣсомъ въ глазахъ народа можетъ явиться лишь власть воплотившагося Бога, и вотъ появляется новый догматъ въ учении союза о воплощении въ лицѣ избранныхъ лицъ изъ духоборцевъ самого Сына Божія Иисуса Христа, а вслѣдъ за симъ первый богочеловѣкъ—Савелій Капустинъ, дѣлающій уже законнымъ земнымъ владыкой и правовѣрнымъ деспотическимъ правителемъ всего союза. Реформа эта, превратившая окончательно и принципіально прежний соціально-религіозный союзъ людей въ отдѣльное государство—по всѣмъ вѣроятіямъ должна была породить во внутренней жизни сектантовъ много преній и препирательствъ и даже, можетъ быть, противодѣйствій со стороны отдѣльныхъ личностей, но въ общемъ идея ея должна была восторжествовать, такъ какъ по существу своему она въ интересахъ союза, какъ самостоятельного пѣлага, была совершенно вѣрна и логически вытекла изъ всѣхъ предыдущихъ событий. Такимъ образомъ организовалось правильно образованное государство въ государствѣ и пропущившее въ этомъ видѣ до нашихъ дней.

Вся послѣдующая политика главарей новаго миніатюрнаго государства совершенно послѣдовательно вытекаетъ изъ всего предыдущаго. На первыхъ порахъ они хлопочутъ изо всѣхъ силъ достичь по мѣрѣ возможности еще большаго обособленія отъ имперіи — своего бывшаго отечества. Новому народу не достаетъ еще своего собственнаго имени, онъ все еще принужденъ довольствоваться названіемъ русскихъ сектантовъ, Мелитопольскихъ поселянъ — и вотъ начинаются настойчивыя хлопоты о признаніи за нихъ самостоятельного названія «духоборцевъ». Ходатайство это уважено только на половину, но важаки довольны и этой полу-побѣдой: сектантамъ все-таки дано право открыто именовать себя «духоборцами» т. е. «не русскими», а въ этомъ-то и состояла вся суть ихъ ходатайствъ. За новымъ народомъ признано такимъ образомъ правительстvомъ, выдѣлившимъ его изъ себя, и его новое имя.

Далѣе, первому властителю необходимо для поддержанія устроеннаго имъ государства упроченіе власти на будущее время, въ томъ же ея видѣ, а при этомъ желательно, съ эгоистической точки зрѣнія, упрочить эту власть именно въ своемъ родѣ—и вотъ появляется новое учение, также принятное народомъ на вѣру и также возвведенное въ догматъ — о переходѣ души Христовой послѣдовательно отъ отца къ сыну одного и того же избраннаго рода, и въ результатѣ получается установление правильной, наслѣдственной верховной династіи. Важно также для главарей навсегда укоренить въ народѣ сознаніе о его независимости отъ властей имперіи и вообще о политической самостоятельности, и вотъ начинается рядъ проповѣдей, истолковывающихъ народу его положеніе совершенно въ превратномъ, но въ выгодномъ для главарей смыслѣ. По

этимъ проповѣдамъ русскій царь выдѣлилъ духоборцевъ изъ своего го сударства и отдалъ имъ землю съ условиемъ лишь платить дань. Такимъ образомъ, «отечество» духоборца—уже не вся Русская земля, а только та, на которой они живутъ, вмѣщающая въ себѣ и ихъ учрежденія, и ихъ собственную верховную власть, которая собственно и является олицетворенiemъ ихъ нового отечества. Вмѣстѣ съ тѣмъ русскій царь силенъ и могущественъ и съ нимъ по-неволѣ нужно жить мирно и исполнять нѣкоторыя его требованія, но только тѣ, которые разрѣшаютъ глава духоборского народа, только одинъ и властный приказывать вѣрующимъ. Всакія русскія власти не могутъ вмѣшиваться во внутренніе беспорядки духоборцевъ, а если эти власти и вмѣшиваются иногда, то не иначе какъ съ соизволенія главаря духоборцевъ. Всѣ русскіе люди, входящіе въ сношенія съ духоборцами или наѣжающіе къ нимъ по различнымъ дѣламъ, и служебнымъ и частнымъ,—суть или гости, или какъ бы послы, или представители дружественной державы, и обращаться надо съ ними такъ, какъ укажетъ въ каждомъ случаѣ главарь.

Но проводя эти и подобныя имъ принципы въ сознаніе народа и тѣмъ закрѣпощая его своей власти, главари, очевидно, сознавали вмѣстѣ съ тѣмъ и всю опасность, грозящую имъ со стороны русскихъ властей, въ случаѣ если бы таковые принципы провозглашались кѣмъ либо публично и громогласно. Изъ этого опасенія и проистекаетъ тотъ кодексъ лукавства, лицемѣря, скрытности и лжи, который они, пользуясь слѣпой вѣрой своихъ простодушныхъ послѣдователей и прибѣгая, вѣроятно, при этомъ къ помощи различныхъ шарлатанскихъ пріемовъ, заставили воспринять послушный народъ, какъ нѣчто таинственно-священное и обязательнно-необходимое, при всѣхъ сношеніяхъ съ лицами, къ sectѣ не принадлежащими, а въ особенности же со всакаго рода представителями власти могущественнаго Русскаго государства.

Но тотъ же кодексъ навязываемаго духоборцамъ обазательнаго міровоззрѣнія и поведенія не могъ, конечно, ограничиваться лишь тѣмъ, что касалось, такъ сказать, только вѣшней политики государства; онъ не минуемо долженъ быть способствовать вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣмъ цѣлямъ, къ которымъ стремились главари въ области своей политики внутренней. Вождамъ нуженъ бытъ народъ смирный, покорный и неспособный къ проявленію какого либо протеста. Изъ этого начала должны были проистекать всѣ основныя положенія внутренней дисциплины, и ови дѣйствительно выразились въ этомъ смыслѣ совершенно рельефно. Отсюда: гомініе на грамотность, какъ на элементъ, способствующій развитію интеллектуальныхъ силъ народа; обазательное отчужденіе, въ тѣхъ же видахъ, всѣхъ сектантовъ отъ вѣшняго міра, какъ отъ грѣховнаго (халдеевъ); требование безусловнаго и безпрѣкословнаго повиновенія главарямъ и ихъ агентамъ; постоянныя напоминанія о томъ, что главарь

во всякое время воленъ всевластно распоражаться личностью и имуществомъ каждого члена секты и т. п. Отсюда же и система жестокихъ наказаний, производимыхъ келейно при всякомъ случаѣ уклоненія отъ требованій главаря. Вотъ общая картина той политики, которой держались главаря и благодаря которой имъ удалось мало-по-малу совершенно измѣнить суть и смыслъ первоначального сообщества, превративъ его изъ союза религиозно-либерального—въ общество самаго деспотического типа. На таковую перемѣну, произшедшую въ характерѣ духоборческаго сообщества, правительство надлежащаго вниманія своевременно не обратило, отчасти, благодаря той скрытности, которую проявляли духоборцы во всемъ, что касалось ихъ внутренней жизни, отчасти же и вслѣдствіе простаго нежеланія тревожить и волновать трудолюбивый муравейникъ наружно-покорныхъ и симпатичныхъ сектантовъ, а между тѣмъ всѣ дальнѣйшія событія именно изъ такового перехода секты отъ одного типа общенія къ другому и проис текаютъ.

Тирания духоборческихъ деспотовъ, какъ основанная исключительно на себалюбивой политикѣ главарей, прикрывающихъ лишь наружно стремленіемъ принципіального служенія общественному дѣлу, несмотря на всѣ ихъ усилия, долго продолжаться не могла и конечнымъ результатомъ ея паденія, а вслѣдь за симъ и разрушенія всего искусственно созданного государственного строя секты и являются всѣ описанные выше волненія и беспорядки. Способствовали паденію духоборческаго государства главнымъ образомъ тѣ существенные элементы разложения, которые зародились внутри самого общественного организма, какъ прямые послѣдствія его иенормальности.

Секта возникла и распространялась въ тѣ давнія времена, когда отдельныя личности низшихъ сословій страдали отъ неправды и произвола и претерпѣвали многія муки, и физическая и нравственная. Сближеніе сектантовъ между собою и постоянное стремленіе ихъ къ выданію своего сообщества въ общаго строя тогдашней русской государственной жизни являлось въ тѣ времена совершенно естественнымъ, такъ какъ мотивомъ его служило вполнѣ понятное желаніе избавиться отъ гнета окружавшей ихъ среды. Да же, это сплоченіе и единеніе, при существованіи во вѣнчанемъ мірѣ тѣхъ же тяжелыхъ условій жизни, легко поддерживалось и собственнымъ сознаніемъ сектантовъ; дисциплинѣ же, введенной главарями, устанавливался сверхъ того и принципъ полнаго отчужденія отъ вѣнчанаго міра. Принципъ этотъ усвоился, очевидно, народомъ весьма охотно, такъ какъ условія жизни въ этомъ вѣнчанемъ мірѣ оставались почти тѣ же, отъ которыхъ они и спасались. Легко переносился въ то время народомъ и суровый режимъ наказаній, прямѣняемыхъ главарями, такъ какъ онъ по своей жестокости все-таки не превосходилъ обыкновенныхъ мѣръ взысканій, къ которымъ народъ

успѣть привыкнуть и ранѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ исходилъ отъ власти, признанной самими народомъ добровольно, законной и правомѣрной. Такимъ образомъ секта представляла изъ себѣ живой протестъ противу существовавшихъ порядковъ, въ этомъ то и заключалась вся ея сила и значеніе, какъ сообщества обособленного. Но вотъ прошли года, и реформы правительства мало-по-малу совершили измѣнѣніи старый строй жизни. О прежнихъ насилияхъ, несправедливостяхъ и суровыхъ взысканіяхъ осталось одно лишь слабое воспоминаніе, и въ общемъ жизнь потекла на совершенно иныхъ началахъ, гораздо болѣе гуманныхъ и справедливыхъ. Прачина, вызвавшія протестъ въ большинствѣ, безслѣдно пропали, и самая форма протеста въ силу положенія вещей явилась уже совершенно ненормальной. Все зданіе духоборческаго сообщества уподобилось крѣпости, огражденной твердыми стѣнами и вмѣщающей въ себѣ прекрасно дисциплинированный гарнизонъ, но на которую никогда никто и не думаетъ нападать ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, не претерпѣвая никакихъ посагательствъ на свой личныи и имущественныи права со стороны враждебнаго имъ лишь по принципу виѣшняго міра, сектанты невольно въ силу самыи требованій жизни входили съ этимъ міромъ все въ болѣе тѣсныи и близкія сношенія. Это общеніе, противу которого ничего не могла подѣлать никакая дисциплина, конечно, должно было принести свою плоды. И действительно, умственный кругозоръ духоборцевъ постепенно расширялся; получались сравненія и выводились умозаключенія часто далеко не въ пользу своего собственнаго быта; зарождалось понятіе о свободѣ личности, совершенно подавленной вѣковой политикой главарей; появлялись и окрѣпли личные и имущественные интересы, а также и забота объ обеспеченіи ихъ неприкословенности. Такія въ подобныи имъ послѣдовтвія сношенія съ виѣшнимъ міромъ, конечно, еще болѣе оттѣнили ненормальность причинъ замкнутости секты и, подрывая довѣріе къ эгоистической политикѣ главарей, расшатывали ихъ авторитетъ въ глазахъ многихъ отдельныхъ сектантовъ.

Не мало способствовало разрушенію государственного строя секты и еще одно обстоятельство, чисто случайное, а именно—прекращеніе мужскаго поколѣнія главарей и явившееся, въ силу необходимости, правленіе женское—послѣдней изъ Калмыковыхъ, Лукерьи Васильевны. Обстоятельство это впрочемъ не столько важно по своему внутреннему значенію, сколько въ томъ смыслѣ, что оно во многомъ способствовало ускоренію развязки. Не будь его, и государственный строй секты, несмотря на свою ненормальность, благодаря вѣковой традиції, вкоренившейся въ народъ—могъ еще долго держаться искусственно и въ будущемъ вызвать недоразумѣнія, еще болѣе сложныи и серьезныи. Послѣдняя правительница при всемъ своемъ умѣ и тактѣ принуждена была, какъ женщина

на, привлечь к управлению цѣлый рядъ помощниковъ, черезъ что, съ одной стороны, нарушался на практикѣ единоличный деспотический принципъ правленія, а съ другой—большое число лицъ, стоявшихъ во главѣ правленія, а черезъ нихъ и ихъ родственники и близкіе невольно утрачивали вѣру въ святость и непогрѣшимость распоряженій главы секты. Кромѣ того, то же фактическое раздѣленіе власти должно было способствовать поднятію между отдѣльными личностями, стоявшими у власти, ихъ личныхъ и имущественныхъ интересовъ. И дѣйствительно, во время правленія Лукеры Васильевны материальное благосостояніе отдѣльныхъ приближенныхъ къ ней личностей, преимущественно горѣловцевъ, равно какъ и приобрѣтенное ими личное властное вліяніе на народъ достигли своего апогея.

Всѣ изложенные обстоятельства подготавливали въ корыѣ государственные основы секты, упразднила смыслъ дальнѣйшаго ея существованія въ такомъ видѣ, который она усвоила себѣ за послѣднее столѣтіе. И дѣйствительно: зачѣмъ управляющій сектой, когда святость и божественность его происхожденія сомнительны; зачѣмъ его деспотическая диктаторская власть, когда не отъ кого защищаться, а между тѣмъ онъ можетъ разрушить благосостояніе каждого; зачѣмъ такая строгая и тяжелая организація, направленная къ самозащитѣ, когда никакой опасности нѣть; зачѣмъ новый властный главарь, когда для многихъ его появление влечетъ за собою отреченіе отъ приобрѣтеної личной власти. Судя по приведеннымъ показаніямъ представителей второй партіи, даже при жизни Лукеры Калмыковой начались колебанія въ сектѣ; тогда уже появились сомнѣнія въ ея святости и способности творить чудеса, и если прежняя стройность въ управлениі и поддерживалась, то лишь въ силу инертности массы и нежеланія второстепенныхъ главарей, ея поборниковъ, выпустить фактическую власть изъ своихъ рукъ. Но со смертью Лукеры Васильевны распаденіе строя секты сдѣжалось неизбѣжнымъ. Конечно, если бы во главѣ секты появился энергичный человѣкъ, способный внушить къ себѣ страхъ иуваженіе или вообще покорить умы сектантовъ,—онъ задержалъ бы на время разрушеніе этого строя, но это была бы только временная отсрочка. Духоборческое государство отжило свой вѣкъ, утратило значеніе и потеряло смыслъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, первыми противу стараго порядка вещей явились тѣ лица, для которыхъ реформа являлась наиболѣе выгодною и полезною, а именно: наиболѣе состоятельные, развитые и приобрѣтшіе привычку повелѣвать—горѣловцы. За ними пошло на первыхъ порахъ хотя лишь меньшинство изъ сектантовъ, но этого они не убоялись, отлично понимая, что что бы тамъ ни говорили и ни предпринимали ихъ противники, русскія власти не могутъ дать ихъ въ обиду, и, конечно, не ошиблись въ разсчетѣ: сила оказалась на ихъ сторонѣ, и

противники ничего противъ нихъ предпринять не могли и не смѣли. Такимъ образомъ первый шагъ къ разрушению «государства» духоборцевъ быть сдѣланъ; все послѣдующее окончательное распаденіе его представлялось лишь вопросомъ времени.

Но какъ бы ни былъ понятенъ и логиченъ весь ходъ дальнѣйшихъ событій—ускореніе по возможности естественнаго пути процесса разложения духоборческаго строя явилось во всѣхъ отношеніяхъ весьма желательнымъ и полезнымъ, такъ какъ дальнѣйшее продолженіе неопределеннности могло бы вызвать множество весьма печальныхъ и пагубныхъ послѣдствій. Такую критическую эпоху въ своей жизни народъ не могъ переживать спокойно, а обыкновенный въ подобныхъ случаяхъ наружные волненія и беспорядки могли бы вызвать необходимость различныхъ общихъ репрессивныхъ мѣръ, примѣненіе которыхъ, конечно, только бы разожгло фанатизмъ сектантовъ и способствовало бы ихъ сплоченію, т. е. только бы вредило дѣлу. По счастію, излюбленный сектантами методъ скрытности и выѣшней дисциплинировки сослужилъ въ данномъ случаѣ великую службу дѣлу. Съ самаго начала распри между большой и малой партіями вплоть до прошлаго лѣта броженіе между духоборцами хотя и замѣчалось, но въ общее волненіе, требующее строгихъ репрессивныхъ мѣръ, не переходило, а между тѣмъ процессъ разложения въ нихъ средѣ продолжалъ свое дѣло непрерывно. Распри и раздоръ зародились, наконецъ, и между членами большой партіи, по сіе время дружно настаивающими на возвращеніи ихъ избраннаго вождя, а съ тѣмъ вмѣстѣ инстинктивно отстаивающими и привычный имъ строй ихъ общинъ. Открытый волненія и беспорядки вспыхнули такимъ образомъ только тогда, когда въ сектѣ произошелъ уже новый расколъ, т. е. когда въ общемъ уже большинство духоборцевъ открыто разорвали связующія яхъ между собою цѣпи и тѣмъ окончательно разрушили ту форму общежитія, въ которой они находили по сіе время главные устои своего исключительного, самобытнаго существованія.

Сущность причинъ, вызвавшихъ этотъ новый частный расколъ въ рядахъ большой партіи, насколько она выяснилась изъ объясненій отдельныхъ членовъ второй партіи, позволяетъ, между прочимъ, достаточно ясно судить и о томъ, чего можно ожидать отъ поведенія этой партіи въ будущемъ. Дѣло въ томъ, что когда духоборцы большой партіи «подписывались» т. е. присягали своему новому избранному вождю Петру Веригину — это былъ самый обыкновенный духоборскій парень, хотя и грамотный и не глупый по природѣ, но совершенно необразованный; теперь же послѣ нѣсколькихъ лѣтъ ссылки, судя по его воззwanіямъ и прокламаціямъ, которая онъ, къ сожалѣнію, несмотря на установленный за нимъ надзоръ, имѣть возможность пересыпалъ къ своимъ приверженцамъ, оказывается, что онъ успѣлъ за это время многому научиться, многое услышать и о многомъ прочитать. Весьма вѣроятно, что

всѣ эти его обращенія къ духоборцамъ исходить и не изъ-подъ его пера, а людей болѣе его интеллигентныхъ, но сути дѣла это не имѣть, такъ какъ большинство духоборцевъ съѣло вѣрить, что все это исходить отъ него. Въ этихъ своихъ обращеніяхъ къ народу Веригинъ, какъ замѣтила вѣкоторые изъ его приверженцевъ, во многомъ измѣнилъ старое ученіе духоборцевъ, добавивъ къ нему много новыхъ правилъ, доселеъ духоборцамъ неизвѣстныхъ. Этито новые прибавленія и породили новый расколъ. Въ то время какъ «постника», самые фанатичные изъ сектантовъ, толкуютъ дѣло такъ: «вождь нашъ—воплотившійся Христосъ, а потому онъ имѣть право предписывать намъ что угодно, и мы все-таки обязаны ему во всемъ повиноваться»; другая часть большой партіи смотритъ на вопросъ вѣсколько иначе и разсуждаетъ такъ: «по нашему духоборческому ученію Христосъ можетъ воплотиться только въ духоборца, а такъ какъ Веригинъ принялъ новое ученіе, то онъ уже не духоборецъ, слѣдовательно и Христосъ не могъ въ него воплотиться, а разъ онъ не Христосъ, и повиноваться ему не слѣдуетъ». Мысль эта, какъ совершенно съ точки зрѣнія духоборческаго ученія послѣдовательная и логичная, и заставила вторую партію отдѣлиться отъ третьей и занять положеніе самостоятельное—какъ бы выжидательное. Кто первый внесъ эту мысль въ среду членовъ большой партіи—неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ она, въ силу своей разсудочности и наличности въ ней здраваго смысла, имѣть въ себѣ гораздо болѣе элементовъ стойкости и убѣдительности, чѣмъ слѣпая вѣра «постниковъ», допускающихъ, что если бы даже икъ вождь предписывалъ имъ правила, совершенно противныя и христіанскимъ начальамъ и нравственности, то они и тогда бы обязаны были ему повиноваться, т. е. совершенную наѣзность. Этому-то разсудочно-толковому отношенію къ предмету вѣроятно и суждено въ будущемъ послужить звеномъ для соединенія второй партіи съ первой, тѣмъ болѣе, что горѣловцы съ точки зрѣнія своей чисто-религіозной логики ведутъ себя и толково и дѣльно. Во вѣнѣшнемъ своемъ поведеніи, они хотя и отреклись отъ Веригина, но общимъ духоборческимъ своимъ принципамъ не измѣнили. Такъ, напримѣръ, «Сиротскій домъ» и капиталы, перешедшие по опредѣленію суда Губанову, какъ наслѣдство послѣ смерти его сестры, фактически остаются и по сие время, по примѣру прежнихъ яѣтъ, какъ бы достояніемъ общественнымъ, съ тою только разницей, что подъ опредѣленіемъ слова «общество» разумѣются пока только члены малой партіи, такъ какъ остальныхъ членовъ большой партіи, а въ особенности «постниковъ», горїловцы за духоборцевъ не признаютъ. Такимъ образомъ первая партія, измѣнивъ принципамъ государственнымъ въ общемъ, религіознымъ и общественнымъ духоборческимъ принципамъ не измѣняетъ, а напротивъ, какъ бы является ихъ поборницей и охранительницей. Такое отношеніе къ дѣлу горїловцевъ, въ особенности при наличности зародившагося у второй партіи критического взгляда на главу секты, даетъ

основаніе надѣяться, что желательное сліяніе обѣихъ партій осуществится снова на почвѣ принциповъ, и общественныхъ и религіозныхъ. Такимъ образомъ, надо полагать, что большая часть духоборцевъ (такъ какъ соединенная двѣ партіи въ общемъ составляютъ большинство) и притомъ самыхъ изъ нихъ зажиточныхъ и сравнительно интеллигентныхъ — спокойно останутся умиротворенные на своихъ насиженныхъ мѣстахъ, сильные своими нравственными традиціями и бодрымъ духомъ, исполненные лишь элемента наиболѣе опаснаго, элемента обособленной, незаконной власти. Не пройдетъ въ такомъ случаѣ и двухъ-трехъ десятковъ лѣтъ, какъ это новое, обновленное въ своей организаціи сообщество русскихъ образцовыхъ тружениковъ снова раззвѣтѣтъ въ полномъ блескѣ на нашей окраинѣ и на сей разъ дѣйствительно высоко подыметъ культурное знамя русской народности, въ русскомъ государствѣ и на русской территории.

Въ концѣ концовъ несчастными жертвами настоящаго замѣшательства являются лишь слѣпые фанатики третьей партіи «постники». Принявъ по приказанію своего повелителя новую вѣру, образовавъ изъ себя такимъ образомъ новую секту, они совершенно разорвали связь со своими бывшими единовѣрцами, изъ братства превратились въ ихъ враговъ, и дальнѣйшее совмѣстное пребываніе тѣхъ и другихъ сдѣлалось немыслимымъ. «Постники» отлично сами понимаютъ свое положеніе, а потому громко настаиваютъ на скорѣйшемъ выселеніи ихъ изъ края. Судить о вредѣ новой секты въ практической жизни пока преждевременно, такъ какъ ученіе ея практикуется еще весьма недавно и, наконецъ, оно можетъ подвергнуться и новымъ измѣненіямъ, но во всякомъ случаѣ пока лишь ясно, что секта эта является гораздо болѣе вредною, чѣмъ секта духоборческая. Но тѣмъ не менѣе, судьба «постниковъ» вызываетъ невольное къ нимъ сожалѣніе: они все-таки не преступники, а лишь жертвы того увлеченія идеей, вѣриости кореннымъ чувствомъ долга, которое при иной обстановкѣ могло бы вызвать къ нимъ лишь симпатіи. Остается надѣяться, что здравый практическій смыслъ, присущій натурѣ русского крестьяниня, къ какому бы ученію онъ ни принадлежалъ, поможетъ имъ въ практической жизни переработать навязываемое имъ извѣнѣ новое ученіе и вылить его въ формы, способные дать имъ возможность хотя бы существовать гдѣ бы то ни было, пользуясь покровительствомъ законовъ. Грустно подумать, что нѣсколько тысячъ людей честныхъ и трудолюбивыхъ принуждены страдать и мучиться изъ-за прихоти одного властолюбиваго эгоиста и единственнаго въ силу своего нравственнаго принципа, продолжительное и безпрепятственное исповѣданіе котораго возвело его въ крѣпкій, непоколебимый догматъ, свято примѣняемый заблудшими фанатиками, несмотря на всю его безразсудность, нелѣпость и непрактичность.

М. Тебеньковъ.